

A decorative border with a repeating geometric pattern of interlocking squares and diamonds, resembling a traditional Islamic or Tatar motif, surrounds the central text.

П. В. Знаменский

Казанские татары

Казань
Издательство «Иман»
2004

П. В. Знаменский

Казанские татары

Казань
Издательство «Иман»
2004

Публикуется по:

П. Знаменский. Казанские татары. Казань, 1910.

Петр Васильевич Знаменский (1836-1917) - историк, доктор богословия. В 1862-1897 годах преподавал в Казанской духовной академии.

Ответственный за выпуск

Валиулла Ягъкуб, первый заместитель муфтия Республики Татарстан

Научный редактор

Н.К.Гарипов, научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Подписано к печати 12.01.2004 Заказ № .

Тираж 200 экз. Объем 4 п.л. Формат 60х90 / 16.

© Издательство “Иман”, 2004

г. Казань, ул. Насыри, 27.

Православные миссионеры о казанских татарах в начале XX века

Работы православных миссионеров стали ценным материалом для изучения истории татарского народа. Несмотря на то, что они не лишены субъективности в оценках, значимость этих работ высока. Здесь необходимо отметить, что православное, как и мусульманское общество находилось под сильным влиянием собственного духовенства, что нередко мешало пониманию своих ближайших конфессионально отличных соседей. Сами православные священники не стремились к пониманию культурного наследия нерусских народов, а в исламе они видели лжеучение, которое разрушало устои христианства и в этом, мы поддерживаем мнение современного исследователя М.А. Батунского - который говорит, что: «Православная церковь, в лице, прежде всего миссионерской Исламистики, не смогла понять ни Ислам, ни мусульманский национализм в широкой системе их взаимосвязей, воспринять представления о каждом из них как о развивающемся организме, как об отражении исторического своеобразия жизни многочисленных мусульманских народов».¹ Русское население свое отношение к мусульманам строило под влиянием православных священников, которые воспитывали в простых прихожанах чувство превосходства православия над Исламом. Если судить объективно, то социальная функция священников заключается в сохранении духовной культуры народы и в создание защитного психологического барьера от влияния иной цивилизации.

Православное большинство России после успешных

¹М.А.Батунский. Русская клерикальная Исламистика и её оппоненты: круговая оборона и многоцелевое наступление // Научный альманах "Цивилизации и культуры" Выпуск 2. М.: ИВ РАН, 1995, С.275

завоеваний объясняло собственные победы именно религиозной принадлежностью русских к христианству. Следовательно, другие религии в отличие от православия были заблуждениями. Отсюда вытекает и традиционное отношение российского населения к инородцам.

Инородцы, особенно мусульмане, по мнению многих миссионеров, были не совсем открытыми в отношениях с православным духовенством. Наглядным примером такого отношения со стороны мусульман для миссионеров служило плохо контролируемое государством строительство мечетей.

Православный миссионер начала XX века Е. Малов пишет: «В русских законоположениях о мечетях нет никакого разграничения мечетей соборных и пятидневных, а между тем эта неопределенность дает повод ко многим злоупотреблениям со стороны магометан и вводит даже в ошибку многих из русских правительственных лиц».¹ Как можно заметить Е. Малов, запугивал христиан и прежде всего российское правительство возможностью злоупотребления со стороны мусульман даже в вопросах строительства мечетей. Кроме отличия мечетей от православных церквей многих православных священников удивляло то уважение простого народа к собственным муллам и то влияние, которым обладали имамы в махалле. Описывая взаимоотношения паствы и духовенства, Я.Д.Коблов делает следующий вывод: «муллы являются главными представителями мусульман, как в духовных, так и в житейских делах и имеют огромное влияние на паству».²

В работе П.В.Знаменского татарам кряшанам дана совершенно другая оценка, где он говорит, что при удоб-

¹Е. Малов. О татарских мечетях в России // Эхо веков № 1/2 1997. - С. 214.

²Я.Д.Коблов. О магометанских муллах: религиозно-бытовой очерк. - Казань, 1907. - С. 12.

ном стечении обстоятельств даже старокрещенные перейдут в ислам. Старокрещенные татары были примером успехов миссионерской политики Русской Православной церкви. Они всегда считались наиболее надежными в религиозном противостоянии двух религий сторонниками христианства. Но даже они по мнению миссионеров подвергались соблазну обратного перехода в ислам.

Поэтому наиболее положительно он старается оценить роль Ильминского в просвещении инородцев. Потому что деятельность этого миссионера является наиболее последовательной в укреплении православия среди крещенных инородцев. Религиозная политика разработанная Ильминским имела далеко идущие последствия, которые сказались на развитии в дальнейшем всего татарского народа.

Как и все миссионеры П. Знаменский рьяно критикует мусульманский национализм. Это связано с тем, что наряду с ростом религиозной активности инородцев выросла роль мусульман в общественно-политической жизни страны. Это его пугает, но в этом он видит и положительные моменты, такие как отдаление националистов от религии и тяготение к светскому.¹

На наш взгляд работа П. Знаменского «Казанские татары» несмотря на определенную субъективность и односторонность анализа тем не менее является богатым материалом для изучения истории татарского народа.

Наиль Гариф

¹П. Знаменский. Казанские татары. - Казань, 1910. - С. 66.

П. Знаменский

Казанские татары

Казань
Типо-литография
Императорского университета
1910

*Татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мо-
шенник.*

ПОГОВОРКА.

В эпоху нашествия монголо-татар болгарское владычество в Волжско-Камском крае сменилось владычеством татарским. В конце 20-х и в 30-х годах XIII столетия татары завладели всею болгарскою землею и сделались здесь господствующим народом, но в то же время, как это всегда бывает при покорении народа более цивилизованного народом менее цивилизованным, должны были сами покориться цивилизации побежденного ими древнего, богатого и хорошо организованного царства, заимствовали у него оседлость, городской быт, торговую предприимчивость, магометанство и разные черты народного характера, что немало способствовало смягчению их прежних степных нравов. Постепенное слияние победителей с побежденными путем взаимных браков с течением времени повело здесь в образованию даже особой и сильной татарской расы, значительно отличающейся от татарских групп других местностей России.

Казанский татарин строен, хорошо и крепко сложен, силен и здоров. Черты монгольского происхождения у него большей частью едва заметны в некотором расширении личного овала, в слегка выдавшихся скулах, в небольшом сужении разрыва глаз, в длинных, несколько отстающих от головы ушах, в толщине и короткости шеи; сюда же можно отчасти отнести и то, что у него редко растет большая и густая борода. Такое видоизменение монгольского типа у казанских татар можно объяснить не иначе, как именно слиянием татарской народности с тюркскими и разными финскими народностями бывшего болгарского царства, потому что примесь к татарской крови другой народной

крови, русской, издавна была устранена взаимным религиозным отчуждением русских и татар. Сами татары называют себя иногда булгарами (булгарлык), ставя себя таким образом в самую непосредственную связь с этой исчезнувшей народностью. Изредка встречающиеся между ними типы башкирские и черкесские очевидно случайного происхождения и в массе не заметны.

В Казанской губернии татары (мусульмане и крещенные вместе) составляют самую многочисленную инородческую группу, простирающуюся до 772,700 душ обоего пола, что составляет более 31% всего населения губернии (русские составляют менее 40%), и распространены по всему её пространству, за исключением уездов Ядринского и Козьмодемьянского, заселенных чувашами и черемисами. Самое густое татарское население находится на северо-востоке и на юге губернии, преимущественно по левую сторону Волги. При первом своем расселении в этой местности татары очевидно не забирались глубоко в леса, по правую сторону Волги и на севере по левую, где жили инородцы финского племени, и по привычке жить на открытых луговых местностях главной своей массой расселились на востоке от Волги, имея ее впереди себя оградой от нападений с запада, а затем, когда началась русская колонизация казанского края, занимавшая везде берега рек и главные дороги местности, должны были уступить эти места русским и потесниться на северо-восток, а также направо и налево от волжских берегов на юге. Юго-восточные поселения казанских татар неразрывно сливаются с поселениями симбирских татар, составляющих одно племя с казанскими.

Татары мусульмане везде, и в самой Казани, живут отдельно от русских. Русские сами оттолкнули их от себя с самого же начала по завоевании Казанского

царства из религиозных видов. Вследствие этого в татарских селениях доселе сохраняется своеобразный полувосточный быт. Татарская деревня имеет в себе что-то дикое. Дома, построенные большею частью без порядка, прячутся внутри двора, а на улицу выходят заборы да сараи; такой характер расположения жилищ встречается даже в селениях, расположенных уже по плану. Из-под запертых ворот и по улице множество злых собак, поднимающих неистовый лай при появлении в деревне нового лица, а по ночам оглашающих окрестность диким воем. Среди селения на небольшой площади стоит деревянная мечеть, минарет которой возвышается над всеми обывательскими постройками. Где-нибудь в стороне от селения раскинута унылое кладбище (мазарки), уставленное вместо крестов деревянными столбиками, небольшими срубами и каменными плитами, под которыми и лежат правоверные покойники в ожидании будущей жизни, где русские будут их рабами. Татарские слободы в самой Казани, по характеру построек и расположению улиц, в настоящее время уже совсем похожи на остальные части города. Отличие их составляют разве мечети вместо церквей, некоторая восточная своеобразность в покраске домов, множество собак, постоянно запертые ворота и закрытые занавесками окна с банками бальзамина, любимого татарского цветка.

По расположению своему татарские дома в общих частях сходны с русскими. Каждый порядочный, небедный деревенский дом разделяется на две части, переднюю жилую и заднюю рабочую или черную, между которыми расположены обширные сени. Жилая изба, кроме того, в свою очередь разделяется перегородкой на два отделения, мужское и женское, с особыми для каждого дверями. Двери отворяются не в сени, как у русских домов, а во внутрь избы. Женское отделение

составляет необходимую принадлежность татарского жилища; даже в маленькой лачуге, которую никак нельзя разгородить надвое, для жены хозяина непременно отделяется по крайней мере небольшой угол за печью, закрытый занавеской, где она и скрывается от глаз посторонних мужчин. Печь, как и у русских, помещается при входе в избу; в нее вмазан котел для приготовления пищи, а у многих он же служит и для стирки белья. На печи или за нею стоят жестяные или медные кумганы-кувшины с узкими горлышками и длинными носами, употребляемые для религиозных омовений, один для мужа, другой для жены, потому что из одной посуды омыться им запрещено законом. За печью можно всегда найти большой медный таз, тоже для омовений, и два полотенца, одно для рук, другое для ног. Передняя стена избы занята широкими нарами для спальни, так что чего-нибудь в роде русского переднего угла в татарском доме найти нельзя. Стол, занимающий у нас этот почетный угол, у татар ставится сбоку, у бокового окна избы. На нарах разбросаны мягкие пуховики, перины, только у бедняков заменяемый войлоками, и подушки - видно, что татарин любит поспать мягко и удобно, а не на свернутом в жесткий ком полушубке, как русский. В большей части избы есть самовары и ярко расписанная чайная посуда, помещающаяся обыкновенно на самом видном месте. К числу особенностей татарской утвари относятся еще красные или зеленые сундуки, у зажиточных их бывает по несколько штук обитых цветно-раскрашенной жостью и ковры или по крайней мере циновки, которыми устланы полы.

Одежда татар состоит из длинной рубахи, миткалевой, ситцевой, у простонародья белой холстинной или чаще всего синей крашенной, штанов из тех же материй, запущенных за сапоги или онучи, виляла (безрукавно-

го камзола до колен), надеваемого на рубашку, сшитого из нанки, а у богатых из полушелковой бухарской материи с красными и желтыми разводами, цветного халата или кафтана (бешмета) сверх зияяна, а зимой шубы; пояса употребляются редко. Все казанские татары мусульмане бреют головы и подбривают по-суннитски усы над верхней губой. Бритая голова защищается тюбетейкой (ермолкой), которая у богатых прихотливо расшивается золотом и жемчугом и составляет предмет особенного щегольства. Сверх тюбетейки надевается у простонародья белая войлочная шляпа конической формы, зимой простая шапка или же малахай (довольно высокая, несколько суживающаяся кверху меховая шапка с наушниками, покрытая сверху обыкновенно крашениной; купцы и другие горожане и летом и зимой носят на голове шапки и белых шляп гнушаются. Муллы и учителя (мюдарисы) украшают свои головы чалмами. Специально - татарскую обувь составляют ичиги, сафьянные расшитые под узор цветные сапоги; но большинство татар носят обыкновенную обувь, или лапти, или смотря по достатку сапоги с калошами; калоши составляют необходимое прибавление и к ичигам. Богатые татары любят украшать себя дорогими металлическими вещами, кольцами, перстнями и массивными часовыми цепочками во всю грудь с множеством привесок.

Одежда женщин состоит из длинной до земли рубашки или блузы без талии и из шароваров. Рубашка шьется по достатку из полушелковой или ситцевой материи, редко из крашенины, и непременно украшается около ворота и по подолу нашивками из лент различного с ней цвета и разных оборочек. Сверх рубашки татарки носят зиян или чаще халат с длиннейшими рукавами, надевая его на голову и употребляя его для закрывания лица вместо чадры. Обувь составляют

цветные ичиги или обыкновенные ботинки и лапти. Головной убор бедных состоит из узорчатых по концам полотенцев, которыми обвивают голову, оставляя концы свободными сзади. Богатые татарки надевают на голову шелковые или бархатные колпачки, обшитые позументом, бахромою или мехом, покрытые сверху тюлевым вуалем. Этот грациозный убор татарка редко оставляет даже и тогда, когда заменяет свою неуклюжую рубаху обыкновенным европейским платьем. Пожилые татарки и зимой и летом носят на голове под зилином меховые шапки. Наряд завершается множеством украшений, к которым относятся кольца, серьги, браслеты, сплошь унизанный монетами нагрудник и такая же перевязь через левое плечо, оканчивающаяся карманом для ношения Корана.

Положение женщины и вся вообще семейная жизнь у татар устроены по общему магометанскому типу. Браки заключаются в очень ранних летах. Жизнь девственная считается противоестественною и позорною как для мужчины, так и для женщины; тем не менее брак не имеет никакого более возвышенного и благородного значения, кроме обыкновенного животного сожития, причем женщина, как и на всем магометанском востоке, трактуется только, как материал для чувственных наслаждений мужа, его собственность, которую он приобретает за деньги. Господствующею формою брака, во всех слоях татарского населения, служит форма покупки невесты за известный мехр или калым. Половина этого калыма отдается родителям невесты, а другая половина употребляется на ее приданое. Отсутствие нравственного элемента в магометанском браке выражается во всей обстановке его совершения. Личное участие в нем самих брачующихся устарено с начала до конца.

Вследствие затворничества татарской женщины жених

не видит своей невесты до брака или по крайней мере предполагается, что не видит. Поэтому помолвка устраивается их родителями или при посредстве свахи, эти же представители сторон условливаются и о количестве калыма. После помолвки жених не ходит к невесте, а посылает ей только подарки из предметов женского наряда; при этом стоимость даримых вещей берется им не на свой счет, а вычитается из следующего невесте калыма. Дней за семь до свадьбы начинаются свадебные пиры, на которые гости поочередно собираются то в доме жениха, то в доме невесты, и порознь - в один день мужчины, в другой - женщины, все с разными подарками. Последний пир, после которого совершается и брачный обряд, бывает при участии мужчин в доме невесты. Ни жених, ни невеста на нем не присутствуют, первый ожидает его окончания за дверью, а невеста скрывается в спальне, приготовленной для брачной ночи. После пира, поевши с хлебом меду и топленого масла - обрядового кушанья, гости кладут на скатерть деньги в подарок невесте, которые и относятся к ней в спальню. После этого мулла, непременный гость этого пира, приступает к совершению брачного обряда.

Брачный обряд вовсе не похож на религиозное священнодействие. Религиозного здесь только и есть, что чтение I главы Корана, брачная молитва, имеющая значение обыкновенной молитвы при начатии и совершении всякого вообще дела, и произнесение брачной хутбы, славословия Богу, установившему брак и сказавшему: "берите столько жен, сколько вам угодно, - две, три, четыре". Существенную же сторону обряда составляет засвидетельствование чисто гражданского договора сторон о количестве калыма, причем мулла играет роль не священнослужителя, а простого нотариуса. Брачные вопросы предлагаются не брачующимся,

а их родителям или другим представителям их семейств; отца невесты мулла спрашивает, согласен ли он выдать дочь за NN и за такой-то калым, а отца жениха - согласен ли взять ее за этот калым в жены сыну. Засвидетельствованный таким образом контракт вручается стороне невесты. Уже по совершении всего обряда зовут жениха. Сваха отводит его в спальню, где молодых и запирают дня на 3 или на 4, чтобы привыкли друг к другу.

После брака молодая не вдруг переселяется в дом мужа, а остается на год и больше в своей семье. Муж ходит к ней, как гость, а между тем устраивает у себя к её приему все, что нужно для семейной жизни.

Магометанское многоженство к татарам не привилось, по всей вероятности вследствие экономического затруднения содержать несколько жен вместе и вследствие неизбежных при полигамии семейных раздоров.

Только очень немногие имеют по две жены, и то другая жена берется, когда первая устарела; при молодой жене она делается обыкновенно главной хозяйкой дома.

Но, отказавшись от многоженства татары вполне вознаграждают себя за это лишение свободой развода, развитой в мусульманстве до последней степени и к явному унижению женщины. Для мужа развод не окружен никакими формальностями; достаточно одного объявления жене: «я с тобой развожусь», - и развод считается совершенным. После этого он должен только кормить разведенную жену в течение 4,5 месяцев и отступить от данного за нее калыма, но жениться на другой женщине может хоть сейчас же. Что касается до жены, то она может добиться развода только по суду, в случае бессилия или тяжелой болезни мужа, кроме того, обязана возратить ему удержавшую при браке половину калыма и до нового замужества выдержать

известный срок - 4,5 месяца (гыддат), в продолжение которого должна воздерживаться от всех удовольствий. Разводы между татарами весьма часты; нередко они разводятся и снова сходятся с теми же женами по несколько раз; в случае женитьбы на той же жене в третий раз, закон только требует, чтобы она до этого хоть на одну ночь принадлежала другому мужу.

По смерти мужа жена тоже не может выйти снова замуж не выдержавши законного срока своего гыддата. Из наследства после мужа она получает $1/4$; но если у неё есть дети, то доля её в их пользу уменьшается до $1/6$. Между детьми наследство делится так, что сын получает вдвое больше против дочери, если их всего двое, то сыну идет $2/3$ дочери $1/3$. Дети незаконные совершенно уравниваются с законными, и незаконный сын, получает обычную двойную долю против законной дочери. Понятно, что при господствующем воззрении на брак, как на простое сожительство мужчины и женщины, при допущении религией полигамии и безграничной свободы развода различие между законным и незаконным сожительством не может быть особенно строго. Несмотря на то, что наши татары очень мало похожи на страстных мусульман юга, магометанство и среди них отозвалось своим обычным вредным влиянием на семейные нравы.

Женщина, как известно, унижена даже в религиозном воззрении ислама, как существо низшей породы. Она совсем почти освобождена от исполнения религиозных обрядов, в мечеть не ходит, разве только изредка под старость, не знает даже, что будет с ней на том свете, потому что пророк не открыл этого, занявшись описанием блаженства правоверных в раю с какими-то другими женщинами или дивами, гуриями, при которых земные жены очевидно уже лишние. В семейной жизни она полная собственность мужа, существо совер-

шенно перед ним бесправное, которое он может прогнать от себя по первому капризу. Все её помышления сосредотачиваются поэтому на том, чтобы удержать за собой его любовь, на украшении себя белилами, румянами, нарядами, на удовлетворении его чувственным инстинктам и т.п. Обращение с женою принято гордое, презрительное и суровое; оказать ей ласку при людях считается предосудительным.

Как во всем магометантском мире, у татар существует до известной степени затворничество женщин. Чем татарин богаче, тем более укрывает свою жену. В быту бедного, рабочего люда, как городского, так и сельского, такое укрывательство женщины, разумеется, невозможно; но и бедная женщина этого класса при встрече с мужчиною обязана закрыть, свое лицо или по крайней мере отвернуться от него при разговоре, исключение допускается только при встрече с русскими, перед которыми, как перед кяфирами, пожалуй, не стоит укрываться. Более либеральные городские татары в настоящее время позволяют своим женам уже открыто являться к русским в гости, на публичные собрания, прогулки и в театр. Но еще не очень давно в театре для татар нарочно были устроены особые ложи, закрытые занавесками, за которыми и скрывались богатые татарки. Следы этого укрывательства теперь обнаруживаются иногда разве в том, что татарки помещаются в глубине ложи, а переднюю часть её занимают их мужья; в этом, впрочем, может выражаться также и высокое главенство мужской половины семьи; когда татарское семейство куда-нибудь идет или гуляет, мужчина тоже идет всегда впереди, а сзади его семенит его жена, окруженная своими татарчатами, не смея с ним поравняться, а тем более обогнать его.

Господствующая пища татар - все мучнистое и масляное, особенно в достаточных семействах, где в боль-

шом количестве потребляются разного рода сдобные и слоеные печенья, пельмени, жирная лапша, густые сливки (каймак) и т.п. У простолюдинов обычным блюдом служат: толкан или болтушка, сваренная из муки и воды с солью, салма из шариков теста в воде, гречневые лепешки на скоромном масле; для вкуса салма и толкан иногда подбеливаются молоком. В праздники на столе является похлебка с мясом и жаркое из баранины или конины. Мяса татары употребляют вообще не много, потому что оно для них дорого. Животное, назначаемое в пищу, должно быть заколото непременно татаринном и с известной молитвой; оттого татары не могут пользоваться припасами обыкновенного мясного рынка и по обыкновенной цене. Важным подспорьем могло бы для них служить дозволенное у них в пищу мясо лошадей, но оно мало ими употребляется, потому что, будучи добываемо обыкновенно от старых, уже никуда негодных лошадей, очень жестко и невкусно, а колоть для него здоровых жеребят и молодых лошадей - дорого. Самым употребительным и, можно сказать, национальным мясом служит у татар баранина. Мясо свиней, так употребительное в русских деревнях, положительно запрещено Кораном и составляет для татар предмет такого же отвращения, как для русских кобылятина.

Другое запрещение Корана относительно вина соблюдается далеко не так строго, как можно было бы думать, особенно среди рабочего класса в городах и между поселянами, живущими смежно с русскими деревнями, в которых кабаки составляют, как известно, необходимую принадлежность. Более совестливые татары маскируют свое противление заповеди пророка употреблением вместо водки, каких-нибудь настоек, бальзама и сладкой водки. Совершенно безгрешными напитками считаются чай и пиво и потребляются татара-

ми в невероятных количествах. Городские татары любят пить пиво, а также и чай особенно в трактирах и харчевнях, в чем, может быть, выражается известная страсть восточных жителей к кофейням. В Казани есть несколько специально татарских трактиров и харчевен, где всегда можно встретить и чайничающих и подвыпивших приятелей-татар. Какой-нибудь татарский виртуоз или несколько таких играют в углу на скрипках, изображая со слуха и совершенно на татарский лад какую-нибудь польку или казачка, а у столиков над опороженной посудой сидят подвыпившие пары друзей и, близко уставившись друг к другу физиономиями, вытаращив друг на друга красные глаза, стараясь один другого перекричать, чувствительно распевают какую-то плаксивую и блажную песню не имеющую по характеру ни малейшего отношения к тут же режущей ухо скрипичной польке. Скрипка почему-то успела сделаться любимым инструментом татар и даже других инородцев Казанской губернии. Национальный характер татар живее и восприимчивее русского. Татарин боек, смышлен и предприимчив, общителен, словоохотлив, гостя задушит чаем и едой, но в то же время плутоват, хвастлив и лжив, любит надуть, особенно русских, обидчив и горяч, любит судиться, при всей предприимчивости и ловкости ленив и неустойчив в деле труда систематического. Чернорабочий татарин берется за дело сначала очень горячо и проворно и кажется гораздо лучше и выгоднее работника русского, который вначале обыкновенно долгое время только еще раскачивается и прилаживается к работе, а дела делает мало; но потом татарин начинает быстро слабеть и в силах и в ретивости, когда русские только лишь войдут в полную силу своей работы, и общие результаты всего количества сделанного дела оказываются чаще в пользу последнего, а не первого. В земле-

дельческом труде, который именно требует не столько проворства, сколько терпения и настойчивости, татары стоят ниже не только русских, но и других инородцев Казанского края, так что даже возбуждают против себя общия насмешки. Татарское поле всегда хуже других; точно также запущены и другие статьи их сельского хозяйства. Во многих селениях татары даже вовсе бросили земледелие и сдают землю русским, чувашам и вотякам. По своему характеру, татарин любит нажить копейку каким-нибудь более легким способом: мелкою торговлею, барышничеством, даже просто мошенничеством. Торговля составляет как будто его природное призвание - это истый потомок древних булгар. Еще мальчишкой он ходит по улицам Казани, роясь в кучах мусора по дворам, отыскивая мослы и тряпье для продажи на заводах, или продавая куски мыла, спички, апельсины и лимоны. Для казанского края, по торговле и маклачеству, татары почти то же, что для западного края евреи. Они занимаются всякого рода продажей и перепродажей, от продажи халатов и старого платья до крупной торговли чаем, от бродячего торга белилами, румянами, бусами и всякой дребеденью по татарским деревням до весьма солидных торговых дел с Бухарою, Персией и Китаем. Крупные торговцы ведут свои дела довольно рационально и честно, но большинство крепко держится ретивых приемов надувательства, обмороачиванья покупателей честным видом, фальшивой амбициозностью, клятвами и запрашиваньями вчетверо и впятеро против настоящей цены товара. Кроме торговли, татары занимаются еще кожевенным промыслом, который тоже унаследовали после булгар, мыловарением, приготовлением войлочных изделий; выделкой мочала, промыслами тележным и бондарным. В Казанской губернии им принадлежит более 1/3 всех фабрик и заводов. Множество рук

занято извозом; в числе извозчиков (преимущественно ломовых) и ямщиков всей губернии татары составляют целую половину. Они любят и хорошо держат своих лошадей. Татарские лошади и ямщики считаются лучшими в крае. Вследствие дурного состояния земледелия по татарским деревням тысячи поселян отправляются ежегодно на разные отхожие промыслы по окрестным приволжским городам и на Волгу. В Казани бедные татары берут на себя труды дворников, носильщиков на пристанях, караульщиков, поденщиков и водовозов; другие просто пускаются в нищенство, чрезвычайно развитое особенно между женскою половиною татарского населения, или даже в воровство и конокрадство.

По вероисповеданию татары все магометане за исключением небольшого числа, до 42 660 человек, крещеных в православие, и отличаются горячею и крепкою приверженностью к исламу. Последний лежит в основе всего их мирозозерцания и всего нравственного склада и составляет главное отличие самой их народности, которая как ими самими, так и русскими мыслится не иначе, как именно в религиозной форме. Инородцы, соvrащенные в мусульманство, вместе с тем и отатариваются. Принять магометанство значит "пойти в татары". Магометанство, исповедуемое ими, суннитского толка и не представляет собою никаких особенностей против общей системы этого толка ни в вероучении, ни в обрядах: у татар те же догматы, те же пятикратные намазы, посты (ураза), праздники (байрам) и проч., как и у всех других мусульман-суннитов. Татары большей частью весьма набожны, даже фанатичны и крепко держатся исполнения обрядов своей веры. Каждое дело начинается и оканчивается у них краткой молитвой: "Бисмилляги ррахмани ррахим", во имя Бога милостивого, милосердного. Намазы акку-

ратно совершаются почти всеми татарами, за исключением разве чернорабочего люда или каких-нибудь либералов интеллигентов, даже во время путешествия, например, на пароходе на Волге. Для определения кыблы (стороны, где лежит Мекка и куда нужно обращаться в молитве лицом) богатые татары нарочно носят при себе маленькие компасы. Во время самого главного и долгого поста Рамазана, продолжающегося целый месяц, даже чернорабочие ежедневно ничего не едят и не пьют в течение всего дня до самой ночи, несмотря на то, что страшно страдают от этого воздержания при работе, особенно от жажды, когда этот переходящий пост случается в летние жары. Поймав какого-нибудь грешника в нарушении Рамазана, татары мажут ему лицо сажей и подчас жестоко его колотят. Между благочестивыми людьми в большом уважении хадж, путешествия в Мекку, откуда паломники или хаджи возвращаются с разными святынями, священными четками, амулетами, талисманами, чудесными рассказами о каабе, висящем на воздухе камне или гробе пророка и т. п. и затем всю жизнь пользуются особенным уважением между своими единоверцами.

Важнейшие праздники татар общие для всех исповедников ислама, - это Байрам в честь дарования Корана, предваряемый постом Рамазаном, и Курбан-Байрам через 2 месяца после первого в честь жертвоприношения Авраама, оба переходящие. По местам между простыми татарами в деревнях сохранились разные общественные и частные, семейные курманы-жертвоприношения языческого еще происхождения, но весьма мало. Остатки старого язычества в большом количестве и чистоте уцелели главным образом между татарами старокрещеными, у некрещеных старая народная вера почти везде уже целиком вытеснена магометанством. Из древних народных праздников между ними сохра-

нились только два праздника, сабан и джиин.

Сабан (плуг, соха) празднуется весной на лугах после того, как с лугов сойдет снег, и соответствует русской красной горке; празднование состоит из беганья взапуски, скачек, борьбы и других игр, сопровождается пирами в домах и продолжается неделю, от пятницы до пятницы. В Казани сабан празднуется на берегу оз. Кабана и отличается особенным оживлением и многолюдством, потому что, кроме татар, на него является из любопытства и множество русских. Знатные татары в нем мало участвуют, а потому он носит совершенно простонародный характер.

Джиен празднуется по деревням летом, соответствуя русскому семику, и переходит с места на место. Начавшись в одну из пятниц в конце мая или начале июня в одной деревне, он в следующую пятницу переходит в другую, затем в третью и т. д., везде продолжаясь по 3 дня. Для празднования деревни соединяются округами, по 8 или 9 вместе. Торжество отличается особенным многолюдством, потому что на него съезжается множество гостей из деревень и Казани, битком набивая дома своих знакомых в такой деревне, где назначено праздновать. Гости прежде всего угощают баней, причем мужчины, как и всегда, моются раньше женщин. После обеда вся толпа в самых лучших нарядах отправляется в поле, где уже заранее расставлены палатки со сладостями и др. предметами праздничной торговли народных гуляний. Увеселения состоят из игр, борьбы, бегов, песен и музыки курачеев, которая во все скрипки накрывает какую-нибудь польку или камаринского и заставляя молодежь пускаться в пляс, вопреки запрещению Корана. Женщины, раскрашенные и разряженные до последней возможности, располагаются кругом в кибитках и на лугу и взапуски подают сласти. Молодежь выглядывает между ними не-

вест, так как они в это время бывают открытее обыкновенного. Джиен специально праздник молодежи, - муллы и люди солидные редко являются на поле; составилось даже сказание, передаваемое в описании татар Фукса, будто этот праздник получил начало от одного богатого татарина, который первый решился собрать молодых людей на праздник и вывел в нем своих очень многочисленных дочерей, не зная, как иначе их сбыть со своих плеч; - прием этот ему удался. Праздник понравился и с тех пор пошел в ход. На другой и на третий день по всем домам идут пиры и песни, а молодежь расхаживает с песнями и скрипками по улице или ездит во весь опор с криком и гиканьем в кибитках на бойких татарских лошадях.

В частной жизни татар религиозных обрядов не много. Сюда относятся известные уже обряды свадебные. После рождения ребенка, дня через 3 - 4 мулла с молитвою нарекает ему имя, причем родные и знакомые родильниц женщины делают ей визиты с подарками на зубок - из денег, сахару, чаю, рубашек, тюбетеек и т. п. На третьем или пятом году над ребенком совершается обряд обрезания (в четный год совершать его нельзя, иначе ребенок скоро помрет). Перед смертью мулла читает над больным из Корана суру о воскресении мертвых. Покойника обряжают в три савана, последним обвертывают все тело и завязывают его у головы и ног. Хоронят, спустя не более 12 часов после смерти. Труп выносят обыкновенно на лубки (гробы не употребляют) и несут очень скоро, останавливаясь только перед мечетями для прочтения короткой молитвы. Религиозная сторона погребального обряда состоит в прочтении муллою над покойником 67 суры о воскресении и будущей жизни. В могиле выкапывается сбоку ниша, куда и кладут покойника на правом боку головою к Мекке. Сюда после того, как его зароят,

приходят к нему два ангела для посмертного суда, будят его и спрашивают: "кто твой Бог? кто твой пророк? какая твоя вера и где твоя кыбла?" затем показывают ему рай и муки и определяют его участь до дня воскресения. Блажен он, если сумеет ответить на вопросы ангелов-судей или если у него во рту положена бумажка со словами: Бисмилляги ррахмани ррахим; в последнем случае его и спрашивать не станут ангелы, ибо он знал своего Господа. Много татары сами слышали при могилах голоса этих грозных ангелов и страшный крик умершего. Поминовение покойников состоит в краткой молитве с прочтением 1 или 67 суры Корана, совершается в 3, 7 и 40 дни после погребения и в годовщину и сопровождается поминальными обедами и раздачею милостыни бедным.

Местами общественного богослужения татар служат мечети. Они разделяются обыкновенно на соборные и пятивременные; первые отличаются от последних тем, что в них принято совершать торжественное богослужение с хутбой или проповедью, на которое в праздники и в пятницу, недельный день мусульман, собираются богомольцы от других мечетей; по внешности главное отличие их от многих (но не от всех) пятивременных мечетей составляют минареты, с которых азанчеи или муэдзины кричат свой азан-призыв на молитву. Разделение это, впрочем, несколько не отвечает существу дела; в магометанстве нет таких священнодействий, для которых нужны были бы какие-нибудь особенно священные места, как для христианской литургии; то, что совершается в соборной мечети может быть совершаемо и в пятивременной и даже в простом частном дом. Наше законодательство впадает поэтому в большую ошибку, ставя мечети без минаретов в одну категорию с часовнями и другими, так называемыми, молитвенными домами, а храмами в

собственном смысле считая одни мечети с минаретами и соборные. Вследствие этого недоразумения указы о строении мечетей только в округах, имеющих законное для того число душ (200-300), относятся администрацией тоже только к мечетям соборным и теряют на практике всякое значение к немалому, нужно сказать, подрыву местной противомусульманской миссии. Число мечетей чрезвычайно велико и кроме того постоянно возрастает. В начале царствования Екатерины II во всей тогдашней огромной Казанской губернии их считалось до 250; к концу же прошлого столетия их было уже до 800 на 730 000 магометанского населения, тогда как православных церквей числилось в губернии до 700 на 1 670 000 правосл. населения. В настоящее время число мечетей стало еще больше, вследствие чрезвычайно усилившегося стремления магометан к их умножению, особенно в целях пропаганды ислама среди казанских инородцев, преимущественно крещеных татар и чуваш. Они строятся богатыми ревнителями ислама часто без нужды и совершенно незаконно, в обход существующих на то постановлений, вопреки даже желаниям местных жителей и самих иногда мулл, которым приходится скудно кормиться около своих новых малолюдных приходов. Недавний магометанский съезд в Нижнем недаром выставил настойчивое требование, чтобы татарский пономарь-муэдзин вполне уверен, что, если он три года прокричит с минарета азан, то не сгниет и по смерти. Кятиб (каллиграф) непременно спасется за одно то, что писали на своем веку священные книги и тетрадки. У татар вращается в употреблении множество бумажек с молитвами и изречениями Корана и других религиозных амулетов и талисманов, которым приписывается необыкновенная сила как в отношении к здешней, так и в отношении к будущей жизни.

Во главе общественного богослужения стоят муллы с их помощниками, азанчеями или муэдзинами, подчиненные местным ахунам (благочинным из среды их же самих) и находящемуся в Уфе управлению муфтия. Мулл чрезвычайно много, как и мечетей; хотя по закону один мулла полагается не менее, как на 200 душ (православный священник в 1 400 душ), но на деле их гораздо больше. Добыть указ на звание муллы довольно легко, нужно только съездить для этого в Уфу, выдержать там пустой экзамен в арабском чтении да истратить деньгами рублей 25 - 30 за свидетельство от экзаменационной КОМИССИИ, по которому губернское правление и выдает уже самый указ на звание, а между тем звание это спасает человека от солдатчины и делает его особой привилегированной. Кроме указных, среди татар действует еще немало безуказных мулл, имеющих на деле такое же значение, как и указные. С муллами у нас повторилась та же ошибка, что и с мечетями; их считают чем-то вроде наших священников, имеющих иерархический сан, тогда как они такие же простецы, как и всякий татарин, потому что в магометанстве идея иерархии совершенно не выработана, - все, что совершает мулла, может совершать без него азанчей, а без азанчея и всякий другой правоверный, кто бы он ни был, лишь бы умел читать или знал, что следует для богослужения наизусть. Мулла даже не может назваться специалистом своей профессии, потому что она нисколько не исключает для него других занятий, как у нас должность священника. Большая часть мулл занимается по деревням мелочною торговлею, держат при домах лавочки и кормится другими промыслами. Образование их стоит очень не высоко. Исключение составляют некоторые казанские муллы, учившиеся не в одних только казанских школах, но ездившие для образования в Бухару, Константинополь и

Египет. Большинство деревенских мулл едва только умеет читать; умеющий лучше писать приобретает уже особое уважение, как кятиб. Арабского языка почти совсем не понимают, довольствуясь только заученными переводами более употребительных богослужебных фраз и некоторых сур из Корана.

Низшее образование (грамотность) впрочем значительно распространено между всеми татарами, не исключая женщин. Оно получается в школах при мечетях, низших - мектебах и повыше - медресах. Каждый мулла занимается обучением мальчиков своего прихода, а его жена учит обыкновенно девочек (за что величается устабикой-сударыней мастерицей). Кроме того, многие дети обучаются у своих отцов и матерей. За обучение в школе полагается очень небольшая плата (хаир) или деньгами, - копейки по 2, 3, 5, много 10 в неделю или же мясом, молоком, мукой, овсом и др. продуктами. Мулла учит бедных детей и без всякого хаира, даром, потому что это считается чрезвычайно душеспасительным трудом. Учение совершается во всех школах только зимой, с начала ноября по 1 число мая каждый день, кроме недельного - пятницы, по утрам, часов с 6 или с рассветом. Начальный курс грамотности в мектебах состоит в изучении букваря со складами, с необходимыми молитвами (ниаты) и сорока обязанностей мусульманина (кялиматы), которое продолжается года 2 и более вследствие крайне несовершенных, самых первобытных приемов преподавания, затем в чтении нараспев избранных мест Корана или седьмой части Корана, Гавтиака, как называется эта книга, и самого Корана, что продолжается от 3 до 7 лет, без всякого понимания читаемого, потому что Коран читается на арабском языке. В то же время читаются или, точнее, заучиваются наизусть некоторые татарские книжки нравственно-религиозного содержания: Бядуам

(об обязанностях закона), Бакырган (нравственная поэма), книга об Юсуфе (Иосифе прекрасном) и др. Этим и оканчивается обучение всех девочек и большей части мальчиков. Для дальнейшего образования мальчики поступают в медресы.

Медреса строятся обыкновенно при мечети на пожертвования более достаточных татар и содержится на сборные суммы. Пожертвование на медресу считается одним из самых богоугодных дел. По внешнему устройству медреса представляет более или менее обширную избу с несколько возвышенным полом; между полом и порогом оставляется яма, незастланная досками, в которой снимаются калоши, совершаются омовения, ссыпается с полу вес сор, сосредотачивается вообще весь школьный хлам и грязь. По стенам на полу стоят перегородки или ширмы, образуя кругом нечто вроде шкафов, в которых помещаются ученики со всем своим имуществом; на стене каждого такого отделения висят одежда и полки с книгами, а на полу располагаются постели, сундуки, посуда, съестные припасы и проч. Ученики (шакирды), кроме приходящих, постоянно должны находиться в медресе; домой их отпускают только на пятницу от вечера четверга до утра субботы. Поэтому они здесь и учатся и ведут все свое хозяйство. Так как женщины в медресы не допускаются, то мальчики сами по очереди должны для себя и стряпать, и мыть белье, и зашивать разные дыры, и чинить себе обувь, что отнимает у них немало времени от ученья. Все шакирды должны служить образцом аккуратного соблюдения всех намазов, омовений и постов, и вообще все воспитание их основано на строго религиозных началах. Ученье происходит утром, часов с 6 до 10 и 11; все юношество при этом рассаживается с поджатыми под себя ногами по полу и начинает жалобным обрядовым речитативом распевать свои уроки

по Корану и др. книгам или писать, держа бумагу на левой ладони над приподнятым коленом. В четверг происходит проверка всех успехов за неделю и расправа с неуспешными учениками, как это делалось в наших старых школах по субботам; неуспешных наказывают сажанием под пол или розгами. Летом ученики распускаются по домам; многие из них пускаются в это время в мелочную торговлю, продают лимоны и апельсины, для чего уезжают даже в Нижний, а некоторые расходятся по киргизским аулам читать Коран, чем тоже добывают себе деньги.

Главные учителя в медресах старшие ученики - хальфы, которым родители и вверяют своих детей за условленный хаир. Хальфы постоянно живут в школе, учат вверенных им шакирдов и смотрят за их поведением, а сами учатся часа по два в день у ученого муллы, который величается мулла-хазрат и маленьких уже не обучает. Ученики не разделяются в медресах на группы вроде классов; каждый учит свой урок, до чего дошел; редко человек 5-6 имеют один урок. Манера преподавания практическая, самая первобытная, без всякой методы и правил. Оттого учение в медресе продолжается очень долго, неопределенное число лет. Хальфы могут учиться лет по 15, сколько им самим захочется, пока не соберутся искать звания муллы, для чего предварительно ездят в Уфу на экзамен пред духовным собранием казыев для получения свидетельства на звание муллы. Новых шакирдов они учат сначала тому же, что преподается в мектебах. Если они уже были этому обучены прежде, то прямо приступают к арабской грамматике, считающейся очень трудным предметом, и сидят за разными её частями по несколько лет; в то же время учат разные татарские и турецкие книжки, затем, при большем знакомстве с арабской грамматикой, книжки арабские обрядового, вероу-

чительного, нравственного и юридического содержания. Из языков, кроме арабского, учат еще турецкий и персидский языки, но татарский и русский в школах не преподаются. Последний только в недавнее время стал обязательно вводиться в татарские школы самим правительством, но еще и теперь не привился в них вследствие упорного противодействия этому нововведению всего татарского народонаселения. Обучение татарскому языку, как природному, татары считают совершенно излишним. В продолжение всего среднего курса шакирды, кроме того, по несколько раз успевают прочитывать Коран, считающийся главным предметом изучения. Хальфам хазрат-мулла читает арабский синтаксис, логику (Мантык) по началам Аристотеля, четыре действия арифметики (Шамсие), математику (Фараиз), включающую в себя, кроме первоначальных математических сведений, правила о разделе наследства, книгу Мухтасар - об омовениях, намазах, уразе, о браке, о продаже и барыше, о закладе вещей. Затем все внимание каждого хальфы исключительно обращено на изучение разных тонкостей магометанского вероучения и комментариев Корана и Сунны. Ни история, ни география в медресах, как обязательные предметы, не преподаются, а изучаются только более любознательными хальфами добровольно, так что и высшее образование, подобно низшему, все целиком держится на религиозных началах, лишь облеченных в логическо-схоластические и риторические формы. Верхом образованности считается умение выражаться высоким слогом, т.е. примешивать к татарскому языку множество турецких, персидских и особенно арабских слов. Вследствие подобной примеси, с течением времени входившей постепенно в самый состав татарского языка, казанское наречие последнего заметно уступает в своей чистоте другим наречиям. Более чистые и древние

формы языка можно изучать главным образом в наречии татар старокрещеных, не участвовавших в движении позднейшей татарской цивилизации. Для довершения образования, у хальфов, имеющих желание сделаться учеными муллами, есть обыкновение ездить в Бухару, в Константинополь и Египет, хотя Казань тоже считается одним из самых важных образовательных центров мусульманского мира.

Замечательно, что вся теперешняя мусульманская образованность Казани обязана своим процветанием русскому правительству и поднялась не ранее начала XIX столетия. До этого времени татарское население края находилось в самом темном невежестве относительно своей веры. Учителя были редки, потому что образовывать их можно было только через посылку молодых людей в отдаленные края Востока, в Бухару или Стамбул; оттуда же добывались и все нужные книги. В 1802 г., по воле императора Александра I, вследствие просьбы татар заведена была, наконец, первая татарская типография в Казани при гимназии, и в течение всего трех лет успела напечатать 11 000 татарских азбук, 7 000 экз. Гавтиака, 3 000 Корана и до 10 200 других книг религиозного содержания. После этого грамотность начала живо распространяться между татарами, и печатные книги стали расходиться в громадном количестве. С 1813 года, когда в Казани открылась деятельность Библейского Общества, татарская типография еще более усилила свою издательскую работу прямо в противодействие Обществу. В конце 1828 года она примкнула к богатой университетской типографии, и университет, помимо собственного своего ведома, сделался каким-то центром религиозной мусульманской цивилизации чуть не для всего татарского населения Империи, потому что магометанские книги из его типографии чрез татарских книгопродавцев, чрез нижего-

родскую и ирбитскую ярмарки стали расходиться по всем концам России, где только есть магометане, в Сибирь, Крым, на Кавказ, в Хиву и Бухару. Количество этих изданий достигает изумительных размеров и далеко превышает количество русских изданий той же типографии. По сведениям за 1855-1864 гг., она издала за эти 10 лет до 1 084 320 экземпляров магометанских книг, в том числе 147 600 Гавтиака, 90 000 Корана и т. д. К этому нужно еще присовокупить то же громадное количество Коранов, разных мелких книг и брошюр, вышедших из частных татарских и др. типографий. Число всех изданий доходит до 2 000 000 экземпляров в год. Все эти издания продаются по чрезвычайно дешевой цене.

Не мудрено, что, благодаря своим многочисленным школам и печати, татарское население в настоящее время почти сплошь все грамотное и с презрением смотрит на русских крестьян, страдающих безграмотностью, да кстати уже и на всю русскую образованность вообще. Между татарами существует крепкое убеждение, что мусульманским книгам нет конца, а русским книгам есть конец, и что когда русские дочитаются до этого конца, то обратятся уже к мусульманским книгам и сами сделаются мусульманами. По своей привычке к книге, татарин довольно легко выучивается и русской грамоте, как это замечено в полках: солдаты из татар скорее делаются грамотными, чем русские. Любопытно, что в университетской типографии татары считались всегда одними из лучших работников для местных ученых журналов университета и духовной академии.

Несмотря, впрочем, на обширное распространение грамотности в массе татарского населения и множество ходящих у него в обращении книг и брошюр, его миросозерцание, выражающееся в понятиях о разных

явлениях и предметах, в народной поэзии и легендах, не выходит из узкого круга ходячих мусульманских представлений, общих всему Востоку. Оригинальной литературы у татар до последнего времени почти вовсе не было. Прежде всего народная пытливость питается множеством религиозных сказаний коранического происхождения: о судьбе первых людей, о прекрасном Юсуфе (Иосиф), о Нухе (Ной), Аврааме, Моисее и др. пророках, о пророке Гайсе (Иисусе), о Магомете, о загробном суде, кончине мира и будущей жизни. К этому религиозному циклу легенд присоединяется значительная масса сказаний, возникших еще на древней языческой почве, большею частью общих с сказаниями всех местных инородцев и наиболее сохранившихся у старокрещеных татар, о домовых, водяных, леших, пярях (пәри) и т. п. существах. Затем следуют легенды поэтического, сказочного характера, возникшие на основе общего восточного эпоса, о разных героях и чудовищах, происхождении цветов, птиц, животных (вследствие превращения в них людей); самостоятельного, национального не представляют ничего и этого рода легенды. Таким образом, единственным оригинальным проявлением национальной поэзии татар оставались их народные песни, довольно многочисленные, но крайне бедные и по содержанию и по форме.

Более поэтических достоинств имеют песни, выражающие чувствования к родине, родным и друзьям, большею частью вдумчивого, серьезного характера, иногда с проблесками довольно сильной и глубокой мысли. "Сизый голубь воркует, треплет свой пух, - кто будет собирать его пух? Точно также, если умрешь на чужой стороне, кто тебя похоронит?" - "Рядом грядки и на них зеленый лук, как можно его рвать, пока он не вырос? Точно также можно ли вытерпеть, не видав места, где родился и вырос?" - "Рядом две березы и они

шумят, когда распускаются на них листья. Также два родных, когда встретятся (после долгой разлуки), говорят лучше, чем поют соловьи". Таким же характером отличаются многие припевы, прилагаемые к песням. Вот несколько таких припевов: "Разделим яблоко на пять частей; умрем друг за друга". "Это согнувшийся, кривой тальник; это ходившая много по чужой стороне голова". "На горе тальники, на листьях которых мед; не любишь, так полюбишь, в жизни бывают такие обстоятельства". Нередко в припевах выражается любовь к Бухаре и белой Уфе.

Имея в виду собственно народную поэзию татар, мы не говорим здесь об искусственной поэзии разных шакирдов и произведениях позднейшей, современной литературы новой татарской интеллигенции, наводняющей книжный татарский рынок разными переводными и оригинальными романами, повестями, драматическими пьесами, публицистическими и т. п. книгами и брошюрами и издающей, кроме того, несколько татарских газет (до 7 в одной Казани).

В последней половине прошлого столетия правительство стало обращать серьезное внимание на образование татар, подчинило их школы своей инспекции и старается восполнить скудные курсы этих школ введением в них обязательного изучения русского языка и основных исторических и естественных знаний. Для образования учителей татарских школ в 1876 г. оно открыло особую учительскую школу. Открыто несколько правительственных татарских начальных школ с изучением русского языка. Масса татар теперь пока вся против этих нововведений, не исключая и самих мулл, хотя они и притворяются содействующими видам правительства.

Татары представляют собою вообще самую крепкую из народностей восточного инородческого края, непод-

дающуюся никаким влияниям со стороны народности господствующей. К русским они относятся с крайнею подозрительностью, опасаясь с их стороны всяких попыток к обращению татар в христианство и русскому их обучению. Триста лет живут они вместе с русскими и под русскою властью и не только не русеют, как другие инородцы, но еще сами развивают с своей стороны огромное влияние на соседних инородцев, обращая их в магометанство и постепенно отатаривая. От русских они живут особняком; многие, особенно женщины, вовсе не знают русского языка, даже боятся его, несмотря на то, что не могут не нуждаться в его изучении на каждом шагу. Конечно, в этом много виноваты сами русские вследствие своего крайне отталкивающего отношения к ним, от которого татарина не спасает даже обращение к христианству. "Татарская лопатка, собака" - самые частые клички для татар из уст русского человека, которые можно слышать постоянно. Простонародье считает их какими-то погаными существами и скорее даст в своей посуде пищу собаке, чем татарину. От этого татары часто являются к русским на работу со своей посудой, зная наперед, что иначе им не из чего будет даже напиться воды. Разумеется, и сами они тоже не остаются у русских в долгу, например, не считают грехом надуть, обокрасть или исколотить их при случае, и тоже в свою очередь зовут их собаками, кяфирами (неверными), чукунганами (свиньями) и т. п. Нельзя, впрочем, при этом упускать из внимания и того, что такие отношения сформировались у русских только к татарам; к другим инородцам русский относится довольно снисходительно, допуская насчет их только добродушные шуточки и прибауточки. Очевидно, татарин ему прямо антипатичен. Причин этой антипатии можно найти достаточно в истории всех их взаимных отношений; много их и теперь, и едва ли не

главная причина заключается в самой крепости татарской народности. Татарин искренне гордится и своим происхождением, и образованием, и моральными качествами, и религией, за которую он стоит крепко до фанатизма, и всем вообще своим, презирая русского не менее, чем тот его.

Татарская интеллигенция относится к русским, конечно, несколько терпимее. Она отлично говорит по русски и не стесняется посылать свое молодое поколение учиться в русских учебных заведениях, мужских и женских гимназиях, в университете. Некоторые молодые люди получают даже заграничное образование, и не в одном Стамбуле или Каире, но и в Париже. Более широкое образование неизбежно сопровождается ослаблением религиозного фанатизма и даже самой религиозности поклонников пророка, но это вовсе не способствует сближению их с христианским мирозерцанием и русской народностью. Религиозная рознь с русским народом с избытком заменяется у них рознью националистической. Татарин неизменно остается татарин при всяком образовании, преданным своей народности и в той или другой степени горячим сепаратистом. Во имя национализма эти интеллигенты крепко стоят и за свою национальную религию, без которой не мыслимы сплоченность и крепость нации. Они усердно участвуют в строении мечетей, в поддержке при них конфессиональных школ, развитии религиозной мусульманской литературы, книжной торговли, пропаганды ислама и татаризации соседних инородцев, черемис, вотяков, чуваш, в разных петициях и постановлениях мусульманских съездов в пользу ислама, об его автономном положении в России, об автономии мусульманской цензуры и печати, о воспреещении деятельности миссионеров среди татар и свободе мусульманской пропаганды, о прекращении каких-

то религиозных гонений на мусульман и проч.

В последние 20-30 лет в татарском мире заметно особенно оживленное движение, направленное к возрождению ислама и крепко приправленное идеями панисламизма. Ислам собирается с силами на упорную борьбу с христианской цивилизацией повсюду, где он существует, и начал везде заботиться об исправлении недочетов своего старинного выстоявшегося уклада и развитии своих образовательных средств. Движение это распространилось и на татарское Поволжье. Старозаветные муллы и учителя постепенно заменяются новыми прогрессивного и националистического направления. Направление это заметно проникает даже в народные массы. Открываются новые медресы, в которых хотя и остается старое конфессиональное образование, но уже восполняется новыми светскими и научными элементами, изучением физики, математики, химии, европейских языков. Новые веяния отражаются и на старых мектебах и медресах, расширяются их программы до размера русских начальных школ и вводятся новые лучшие методы преподавания. Но замечательно, что русское влияние на образование во всех этих школах старательно устраняется. От надзора чинов министерства народного просвещения они ревниво охраняются; русские классы при них не прививаются и не пользуются сочувствием татар; правительственные школы среди магометан распространяются крайне медленно.

После издания манифеста 17 октября 1905 г. описываемое движение в среде русских татар усилилось в высшей степени и во время последовавшего затем государственного расстройствa от войны и, так называемого, освободительного движения успело организовать до такой степени, что с ним приходится очень серьезно считаться не только православной церкви, но и

государству. О каком-нибудь обрусении татар теперь пока не может быть и речи. Христианская миссия в среде магометанства совершенно парализована. Православной церкви приходится, по крайней мере на время, отказаться от всякой наступательной борьбы с исламом и ограничиться борьбой лишь оборонительной, спасая от мусульманской пропаганды и отступничества от православия хоть то небольшое число своих чад, какое она успела приобрести в течение прежнего долгого времени, при более благоприятных обстоятельствах.

Христианское просвещение очень туго прививалось к татарам и в прежнее время, гораздо менее, чем ко всем другим инородцам в России, исповедывавшим языческие веры. Татарская вера, как зовут у нас магометанство, твердо выдерживала все напоры на нее христианской миссии, поступившись русской вере, только самым малым числом своих исповедников. Самыми важными эпохами христианской миссии в среде казанских инородцев были: время первого утверждения между ними русского владычества во второй половине XVI в. и затем в XVIII в. время царствования императрицы Елизаветы. Первые святые деятели христианской миссии, знаменитые казанские чудотворцы XVI в., Гурий, Варсонофий и Герман, оставили после себя целые селения так называемых старокрещеных инородцев, в том числе немало и татарских селений. Ислам тогда еще не был так силен между татарами, переживавшими еще период двоеверия, борьбы с магометанством старых языческих верований. К сожалению, дело миссии остановилось тогда только на первоначальном обращении этих старокрещеных к христианству; св. казанские чудотворцы, при всех своих усилиях, не успели сообщить этой массе обращенных ими христианского просвещения, а преемники их не поддержали их благое начала. Уже в начале XVIII в. духовное и гражда-

нское правительства снова обратили внимание на инородцев, заговорили об их крещении и, главное, о заведении между ними школ с миссионерским характером. В 1740-х годах такие школы действительно были заведены в Свияжске, Елабуге и Царевококшайске, потом в 1753 г. из них возникла большая центральная школа в самой Казани. Но и теперь не школе привелось стоять на первом плане в решении инородческого вопроса, а опять-таки только миссии. В 1740 г. в Свияжске, при Богородицком монастыре, учреждена была новокрещенская контора, обратившая все свое внимание на одно крещение инородцев в как можно большем числе. О том же более всего хлопотал энергично содействовавший ей казанский архиерей, считающийся просветителем казанского края, Лука Конашевич. Благодетельное царствование императрицы Елизаветы, как нельзя более, способствовало начавшемуся тогда миссионерами, можно сказать, поголовному крещению инородцев. С 1741 по 1756 год крещено было до 430 000 душ разных инородцев, получивших с тех пор название новокрещеных. Татары крестились реже всех. Во все это время из них окрещено было всего каких-нибудь 8000, да и те готовы были при первом удобном случае отпасть от церкви и воротиться к своей прежней татарской вере. Своим упорством против всех усилий миссионеров и властей татары навлекли на себя даже настоящее гонение, о бедствиях которого хранятся у них озлобленные предания даже доселе. Епископ Лука насильно брал их детей в свои школы, ломал их мечети, построил две церкви в их слободе в Казани и учредил в эти церкви крестные ходы, в селе Успенском разобрал остатки уважавшихся татарами болгарских сооружений и из развалин их устроил церковь, монастырские погреба и проч. Правительство с своей стороны, назначая для крещеных разные льготы,

против ислама принимало репрессивные меры, запрещало строить новые мечети, ломало некоторые старые, отягчало упорных магометан увеличением сборов и повинностей и переселениями на другие места. Результатом всех этих мер было страшное озлобление всей остальной массы татарского населения, которое доходило до того, что в 1756 г. само правительство сочло необходимым умерить свою ревность о вере и немедленно перевести епископа Луку в другую епархию. Волнения, возбужденные в инородческом мире, долго не улегались после этого и еще в 1770-х годах горько отзывались для русских в Пугачевщине.

При императрице Екатерине II новокрещенская контора была наконец закрыта (в 1764 г.). В то же время, под влиянием модной тогда идеи о веротерпимости, уничтожен был сбор податей с некрещеных инородцев за крещеных, дано самое широкое дозволение строить татарам мечети, а духовенству запрещено вмешиваться в какие бы то ни было дела об иноверцах и их молитвенных домах и посылать к ним проповедников миссионеров. В последние годы царствования Екатерина устроила для магометан даже особые средоточия для их религиозного управления в лице двух муфтиев, одного в Уфе, другого в Крыму, и таким образом дала магометанству особую и законную религиозную организацию. Кроме того, в Петербурге отпечатан был Коран в количестве 3 000 экземпляров для рассылки по губерниям, населенным татарами. Христианская миссия между инородцами была окончательно подорвана, а к концу XVIII в. закрылись и новокрещенские школы, единственный источник для просвещения новокрещеных. Между тем магометанство оживилось и развило со своей стороны сильную пропаганду среди обратившихся татар, снова привлекая их на свою сторону, и кроме того, среди дру-

гих инородцев, исповедовавших шаманство, киргизов и башкир. Пошли толки, что само правительство стоит за татарскую веру, скоро будет само на свой счет строить татарам мечети и что вышел указ, позволяющий новокрещеным снова возвращаться в Ислам. Заведение татарской типографии в начале XIX столетия окончательно упрочило положение магометанства в России, усилив его школы и развив грамотность в среде его исповедников. Результаты всего этого не замедлили обнаружиться и обнаружались именно через столько времени, сколько было нужно для того, чтобы подросло молодое поколение, воспитавшееся в новых школах.

В 1802 и 1803 гг. начались отпадения крещеных татар. Обеспокоенное этим правительство стало предпринимать меры к их христианскому просвещению. В 1802 г. вышел указ о переводе на инородческие языки кратких катехизисов и более нужных молитв. Библейское общество затем стало распространять на этих языках переводы св. писания. Казанский архиепископ Амвросий Протасов предлагал было перевести на эти языки и богослужебные книги, но мысль эта тогда не нашла себе сочувствия. При духовно-учебных заведениях в епархиях с инородческим населением стали открывать классы местных инородческих языков, потому что в духовенстве, знающем эти языки, была крайняя нужда. Но дело миссии до того уже было запущено, что его долго нельзя было поправить. В царствование Александра I и Николая I производилось множество дел об отпадениях в Казанской и соседних епархиях, и все больше о татарах. С 1827 г. началось первое массовое отпадение крещеных татар в магометанство. Поданы были на Высочайшее имя прошения о возвращении в Ислам от 138 деревень; в прошениях этих татары объясняли, что их предки всегда были мусульмане, что они попали в христианство не-

известно как и когда, но вовсе не обучены христианской вере и нисколько её не знают, в подтверждение просьбы ссылались на указ 1764 года о закрытии новокрещенской конторы, крестившей их насильно. Ссылка эта не оправдывается смыслом самого указа 1764 г., но хорошо показывает, с какого времени и по какому поводу магометанство начало поднимать голову после ударов Елизаветинского царствования. За этим отпадением крещеных татар последовал ряд других. Для ослабления этих отпадений начальство принимало разные меры, телесные наказания, ссылки, расторжение браков крещеных с некрещеными, принудительное крещение детей в отпадавших семьях и проч. В 1830 г. в казанской епархии вновь учреждены миссионеры, но без всякой пользы. В 1847 г. при казанской академии, по Высочайшему повелению, принят был татарский перевод священных и богослужебных книг, но языком для этих переводов, равно как и для обучения в школах, был принят, к несчастью, язык не живой народный, а книжный, понятный только образованным татарам. Самое большое отпадение татар произошло в 1866 г., в эпоху реформ Александра II.

При всех этих отпадениях везде повторялась одна и та же история: разносился слух о некоем царском указе, будто бы дозволявшем отступничество, подавались о возвращении к старой вере прошения на Высочайшее имя, а в ожидании их результатов отступники выкидывали из домов своих образа, сбрасывали с себя пояса, надевали на головы тюбетейки и отправлялись вместо церкви в мечеть. Начальство принималось судить их, таскало в консистории для увещания, секло, переселяло в русские селения, даже ссылало в Сибирь; но дальше этих чисто внешних мер не простиралось, да и не могло простираться. Местное духовенство ока-

зывалось совершенно не подготовленным к просвещению татарской паствы, потому что не знало ни её языка, ни её старых магометанских верований. Каждый раз, как в консистории требовались способные люди для увещания отпавших, в епархии не находилось ни одного священника, который бы знал татарский язык и магометанское вероучение. Духовная школа, погрузившись в изучение латыни и в опровержение древних еретиков Византийской империи, не сообщала никакого понятия о том, что у неё было под носом, о местных инородческих языках и верованиях.

Замечательно, что отпадения обнаружились главным образом между татарами новокрещеными, а не старокрещеными. Причина понятна: хотя и те и другие присоединены были к церкви одинаково внешним только образом, но от присоединения последних прошло уже три столетия, что не могло не укрепить в них по крайней мере привычки числиться христианами. На самом деле и их нельзя назвать вполне христианами; это какое-то особое межеумочное, хотя и весьма интересное племя, представляющее в своих убеждениях и привычках какую-то смесь христианства с магометанством и язычеством и стоящее специального изучения этнографов и историков. Их остается теперь очень немного. Это остатки татар древнего времени, когда татарский народ, приняв магометанство, не расстался еще и с старыми языческими верованиями и переживал свой период двоеверия. Христианство, в которое они были крещены казанскими чудотворцами, составило между ними третью веру, надобно сказать, самую слабую. Эту смесь трех вер они и сохранили, как любопытный памятник старины, по некоторым глухим местам почти целиком дотянувшей до нас свое существование еще от XVI в., и как печальное свидетельство слабости на них русского влияния.

Христианство привилось к старокрещеным только в очень слабой степени. Личность Спасителя известна им из одних магометанских источников, как личность одного из пророков. Догматы о Его божестве, о Троице, о воплощении, под влиянием магометанского монотеизма, положительно ими отвергаются и служат постоянным соблазном относительно христианства, равно как христианское иконопочитание, отождествляемое ими с языческим идолопоклонством. В то же время они во всей силе исповедуют символ ислама: "Нет Бога, кроме Бога; Магомет пророк Его". Только некоторые, более близкие к христианству, считают Магомета просто святым. Почитание татарских святых развито у них почти в одинаковой степени, как и между коренными мусульманами. Верования касательно будущей жизни и загробного суда остались тоже чисто магометанские. Множество коранических легенд о пророках Адаме, Аврааме, Иосифе, Моисее и проч. и о самом Магомете, его нравственных качествах, пророчествах и чудесах составляют такую же распространенную между старокрещеными массу религиозных знаний, какую для русского простонародья составляют апокрифические легенды, созданные на библейской основе, что прямо показывает, что коренным источником религиозного миросозерцания для них служила не Библия, а именно Коран. К обрядам церкви старокрещеный равнодушен: в церковь не ходит, а если когда и явится в нее, то не молится; домашней молитвы тоже не совершает, разве в присутствии русских, а если и молится иногда, то по-татарски, поднимая руки кверху и читая татарские молитвы, что называется у них "творить аминь"; перед началом дела или пред приемом пищи, вместо "Господи помилуй", говорит "бисмилля"; постов не соблюдает ни татарских, ни русских; исповедь и причастие принимаются только по необходимости, пе-

ред свадьбой да перед смертью. Результатом этого колебательного состояния между разными верами необходимо должен был явиться у старокрещеных религиозный индифферентизм; между ними постоянно можно слышать известное рассуждение, что и ту и эту веру Бог дал, что всякий по своей вере и спасается, и что даже еще неизвестно, которая вера лучше.

Вследствие крайней слабости русского влияния на татар, магометанство оказалось гораздо сильнее в деле истребления остатков язычества, чем христианство, оттого они составляют теперь почти исключительную принадлежность одних старокрещеных. Сильнее христианского влияние его оказалось и вообще на образование татар. В то время, как магометанство заводило повсюду свои школы, всех почти своих исповедников выучило читать книги, дало чрез это сильную опору для национальной религии и истребляло старые суеверия, крещеные татары по крайней мере до конца 1860-х годов, до распространения между ними школ братства св. Гурия, оставались в самом темном невежестве, не имея у себя ни школ, ни учителей. Если некоторые из них и принимались учиться, например, для лучшего ведения торговых дел, то обращались за этим прямо в татарские школы, к муллам, где и теряли последние проблески христианства. Православное духовенство, с своей стороны, никак не могло конкурировать с муллами, потому что это были учителя чисто народные, а оно не владело даже татарским языком. От русского населения и подавно нельзя было ожидать какого-нибудь религиозного влияния; разве только иногда какой-нибудь раскольнический ревнитель вздумает потолковать с татаринном о двуперстии или седми просфорах на литургии, но это, разумеется, очень мало просвещало старокрещеного человека, не имевшего ровно никакого интереса к непонятному для него

христианскому богослужению. К тому же русские сами оттолкнули от себя своих татарских единоверцев, относясь к ним с таким же национальным омерзением, как и к некрещеным татарам. Замечательно, что браки между русскими и крещеными татарами и теперь еще довольно редки и считаются даже унижительными для русских, как для парней, так и для девиц. Очень естественно, что крещеные постоянно должны были тяготеть не к русским, а к своим некрещеным единоплеменникам, искать себе нравственной пищи не в христианстве, а в незабытом ими исламе. Понятно, как сильно должна была действовать на них магометанская пропаганда, надобно сказать - очень энергичная и обладающая большими средствами в родном языке, во множестве мулл, мечетей и школ.

Рациональные и систематические меры к просвещению татар христианством явились со стороны русских сравнительно очень недавно, с половины прошлого столетия. Серьезное изучение ислама и татарской народности, можно сказать, в первый раз началось с 1854 г., когда при казанской академии открыто было противомусульманское миссионерское отделение, во главе которого явились профессор Саблуков, составитель лучшего перевода Корана на русский язык и сильный полемист против ислама, и известный просветитель инородцев восточного края России Н. И. Ильминский. В 1864 году профессор Ильминский, с помощью старокрещеного татарина В. Тимофеева, бывшего практикантом студентов в татарском языке, открыл первую крещено-татарскую школу в Казани, устроенную на рациональных началах и положившую первое основание новому христианскому просвещению инородцев восточного края с помощью их природных живых языков.

Еще задолго до открытия этой школы, в 1850-х гг. Н.

И. Ильминский пришел к убеждению, что наилучший способ к утверждению христианской веры в народе есть воспитание в этой вере молодого поколения, что ясно сознают и чего успешно достигают сами татары в своих медресах, и что это воспитание должно совершаться с помощью родного и обыкновенного языка питомцев, а не того ученого и книжного, на котором производились наши прежние татарские переводы. Находя последние для педагогических и народно-просветительных целей совершенно бесполезными, он с 1861 г. приступил к новой, более практичной переводческой работе прямо на разговорный татарский язык. Усердным помощником ему в этом деле явился В. Тимофеев, которого он называл своим натурщиком в переводческом художестве. Первой книжкой их работы был учебный Букварь на живом татарском языке, написанный русским алфавитом. Потом Ильминский принял этот алфавит для всех своих последующих переводов с целью сближать чрез него крещеных татар с русскою грамотою и отдалять от татарской магометанской грамоты. К открытию школы было переведено таким же образом еще две учебных книжки. Новая школа была устроена в христианско-воспитательном направлении, которое должно было восполнять недостатки христианского влияния на детей со стороны их темных, слабо-христианских семей, и кроме того - в направлении миссионерском, направленном к влиянию чрез детей на старшие поколения крещеных татар. Среди крещено-татарского населения она встречена была с большим доверием, получила популярность, быстро увеличилась по числу учащихся и сделалась матерью нескольких подобных же маленьких школ по крещено-татарским селениям. Начавшись в бедной квартире, в подвале одного домишка в Академической слободе, с трех крещено-татарских учеников, она в 4 года до 1867

года возросла уже до 60 учеников и 5 учениц, приобрела сочувствие многих русских жертвователей, обзавелась собственным домом в той же слободе и чрез своих питомцев успела завести по разным селениям до 20 новых школ-колоний, между которыми получила значение школы центральной и учительской. Нельзя при этом не обратить внимания на то, что все эти успехи нового инородческого просвещения явились в самое тяжелое время для православной церкви, время массового отпадения от неё крещеных инородцев 1865 - 1866 годов, когда "в татары" уходили целые селения и число только открыто отпавших доходило до 9000 душ, помимо отпадений тайных, не объявленных официально.

В 1867 г. в Казани открылось просветительное Братство святителя Гурия и с самого же начала приняло все крещено-инородческие школы в свое руководственное покровительство и заведование. Затем чрез него, чрез его ходатайство и заботы, дело инородческого образования сделалось предметом попечения Миссионерского Общества, св. Синода, Министерства Народного Просвещения, губернских, уездных земств, городских дум и было обеспечено от них, хотя и не богатыми, но по крайней мере постоянными средствами. Казанская школа продолжала по-прежнему получать разные пожертвования как от частных лиц, так и учреждений, осчастливлена была даже Высочайшей стипендиальной суммой в 500 р. на каждый год. Стипендия эта была пожалована школе после посещений её Великими Князьями в 1868 и 1869 гг. и Государем Александром II в 1871 г. Посещение школы самим Государем и Его милостивое ободрение учащихся и учащихся в ней составили настоящую эпоху в истории христианского образования инородцев, высоко подняв это образование во мнение всего инородческого мира.

Братские школы размножались с каждым годом все более и более, и не только по селениям крещёных татар, но и в других инородческих селениях, у чуваш, черемис, вотяков, стали распространяться и в соседних губерниях. Кроме поддержки крещенских школ, братство приняло на себя попечение о переводах на инородческие языки. Переводы эти тоже успешно размножались трудами проф. Ильминского и его сотрудников при казанской школе. Когда количество их достигло надлежащей полноты, в Казани в 1869 г. при помощи их открыто было на татарском языке церковное богослужение, произведшее среди крещеных татар сильное христианское движение. Первым священником из инородцев был сотрудник Ильминского о. Василий Тимофеев. После, по мере умножения членов этого инородческого священства, богослужение на инородческих языках постепенно распространялось по всему инородческому миру в России. В 1869 г. при Братстве учреждена была особая переводческая комиссия для перевода христианских книг на все инородческие языки и стала снабжать своими переводными книгами как инородческие школы, так и церкви в инородческих приходах.

Все это дело нового инородческого просвещения не обошлось конечно без препятствий. С самого начала своего применения в практике система Ильминского сделалась предметом горячих нападений и литературной полемики, и ему стоило больших усилий отстоять свои педагогические взгляды. Рассуждения и споры об этой системе тянулись более трех лет и в литературе, и в министерстве народного просвещения, и в особых комитетах и училищных советах, и на земских собраниях инородческих губерний, пока наконец в феврале 1870 г. она не получила утверждения от министерства и не была объявлена обязательною для всех крещенс-

ких школ. Противников её немало и в наше время. Они, как и прежние её противники, смотрят на нее с политической точки зрения, как на препятствие к скорейшему обрусению инородцев и даже поощрение к инородческому сепаратизму, и потому стоят за обучение инородцев по-старому прямо на русском языке, наивно видя в русском языке какую-то всеильную панацею против всякого сепаратизма и вернейший залог обрусения, причем совсем опускают из виду главную сторону новой системы, -религиозную и воспитательную. Христианские понятия и правила, конечно, живее и сердечнее усваиваются на родном языке. А воспитательная часть и весь вообще строй школ Ильминского целиком проникнуты именно русским направлением, рассчитаны именно на то, чтобы питомцы их полюбили Россию и русских, полюбили и русского царя и русскую православную церковь и сами сделались русскими, хотя бы и с не особенно сильным знанием русского языка. На изучение последнего впрочем во всех школах обращено большое внимание, инородческий язык служит в них языком преподавания только в начале курса, потом, по мере усвоения воспитанниками языка русского, постепенно уступает свое значение последнему и затем употребляется лишь для объяснений непонятных слов и мыслей, особенно на церковно-славянском языке, объяснений необходимых для инородцев, даже хорошо владеющих русским языком. Питомцы наших русских школ могут даже позавидовать инородческим школярам, хоть бы например в том как хорошо эти понимают с помощью своего языка наши православные молитвы и богослужение, до малейшей, можно сказать, грамматической подробности, чего нельзя сказать о понимании нашего славянского богослужения не только русскими простолюдинами, но и весьма образованными людьми. После утверждения

системы Ильминского она скоро принята была во всех инородческих школах как в Европейской России, так и в Сибири и Средней Азии. В 1872 г. в Казани открыта была особая учительская инородческая семинария, директором которой определен был сам Ильминский. Воспитанники её, впрочем, как и воспитанники Казанских миссионерских курсов, не определялись в учителя бедных братских школ, а поступали в более богатые школы министерские и земские, а некоторые удаивались священно-служительского сана. Братские школы по деревням обслуживались учительским персоналом главным образом из учеников и учениц Казанской школы и возникших потом таких же центральных школ для чуваш, черемис и вотяков. Несмотря на скудость школьных окладов (по 40-90, теперь по 80-120 руб. на каждую школу и с учителем), число братских школ возрастало все более и более, в иные годы доходило до 150, из которых до половины было крещено-татарских. Были случаи передачи братством своих школ министерству или земству; это происходило или за минованием миссионерской в них нужды на месте, или просто за недостатком у братства средств для их содержания. После такой передачи нескольких школ в ближайшие годы (в 1908 г. передано и закрыто 19 школ) теперь, по счету последнего отчета братства, всех школ братства оказывается 153 с учащимися до 3800 человек обоего пола. Татарских школ из них тоже около половины этого числа.

Казанская школа, постепенно расширяя свой курс, дошла до степени второклассной учительской школы. Благодаря щедрым пожертвованиям её многолетнего попечителя П. Б. Щетинкина, она обстроилась прекрасными зданиями и устроила у себя благоуукрашенную церковь. Она состоит теперь из трех отделений или школ, мужской, женской и образцового низшего учи-

лища, занимающих отдельные здания. Число учащихся в ней доходит до 170 человек. В 50 слишком лет своего существования она выпустила из своих стен множество добрых учителей и учительниц как для казанского края, так и в другие, даже отдаленные губернии и вместе с учительской семинарией до 160 священнослужителей в инородческие приходы. И, что особенно ценно, она поддерживает с вышедшими из нее учителями и учительницами постоянную связь через корреспонденцию, учительские съезды и чрез своего заведующего священника, который, состоит и наблюдателем крещено-татарских школ, ежегодно их объезжает и следит за их деятельностью и успехами. Они получают от Казанской своей метрополии разные советы, разъяснения, наставления и т. д., так, что таким образом вся масса их, имея ее во главе, представляет собою один духовный организм. Недаром название её "центральная" на её вывеске по-татарски переведено: "Голова школа".

Православно-религиозное направление и весь религиозный строй её жизни служат образцом для других крещенских школ и живым назиданием для множества взрослых её посетителей из татар, родни и знакомых её питомцев. Для этих посетителей она всегда открыта и имеет для их приема даже особое помещение, в котором за один год в разное время переживает до 500 человек. Живя в ней по несколько дней, они участвуют в общих молитвах учащихся и в прекрасном богослужении школьной церкви на родном языке, приобретают лучшие христианские понятия в беседах с учителями и учащимися и уходят из неё в свои деревни и села с большой душевной пользой и с добрым мнением о воспитании в ней своего молодого поколения. Многие из них даже говеют в ней, исповедуются и приобщаются св. таинств.

Такое же религиозное значение имеют и все другие братские школы, каждая для населения своего округа. Крещенные татары любят свои школы, часто их посещают, интересуются их учением, жертвуют на их содержание и охотно отдают в них своих детей. Были случаи, что татарские селения сами обращались в братству с просьбой открыть у них школу. Учащиеся дети, как ни мало их образование, получают все-таки правильное христианское понятия и убеждения, которые на расспросы родных передают последним на своем родном языке и таким образом незаметно служат своего рода миссионерами среди взрослого населения. Учащие с своей стороны устраивают в праздники и в простые дни религиозные беседы и пение с учениками свящ. песней на народном языке, которое привлекает толпы инородцев. Церковное богослужение в инородческих селах, благодаря участию в нем школьников с их учителями, получило особенное оживление и привлекательность для населения. Где нет церкви, школа часто служит для населения молитвенным домом, где совершаются богослужения, дозволенные вне церкви; в ней даже говеют в великом посту и, если церковь уже слишком далеко, причащаются от приезжих священников запасными дарами. Школа является по местам таким же почти религиозным центром для населения, как и церковь. Где она заводится, там это население получает со временем неузнаваемый, против прежнего полуязыческого, полумагометанского характера, характер христианский, усердно посещает церковь, совершает христианские молебствия, участвует в православных таинствах и т. д. Татарская пропаганда ислама находит здесь уже менее благоприятную для себя почву и более или менее сильный отпор от питомцев братских школ и учительского персонала, которые стараются своим влиянием и уговорами удерживать колеблющихся-

ся от отступления, вступают с проповедниками ислама в споры и часто удачно подрывают их авторитет. Такое миссионерское значение братских школ заметно проявлялось во все периоды массовых отпадений крещеных татар, замечается и в настоящее критическое время, какое переживает православная церковь.

После издания манифеста о свободе совести 17 октября 1905 года в крещено-татарском населении начался новый период отступничества от церкви. Татарская пропаганда ислама усилилась до крайнего напряжения, хотя это и отрицают татарские газеты, представляя магометанство религией самой миролюбивой и отвращающейся от всякого прозелитизма, не то, что православие, всегда жестоко преследовавшее правоверных. Требуя чрез своих заправил недопущения в свои селения православных миссионеров, которые и сами не зяглыдают туда из-за серьезных опасений даже за самую свою жизнь ("секир башка"), магометанство насылает на крещенские и языческие инородческие селения толпы своих мулл, шакирдов и простых ревнителей - проповедников ислама, которые шныряют здесь по родным и знакомым домам и базарам, употребляя всякие средства для склонения населения в магометанство, клеветы на русскую веру, обманные уверения со ссылками на царский манифест, что царь приказал всех инородцев приводить в магометанство и сам скоро перейдет в него, что в России будут только две веры - русская и татарская, что кто не хочет быть в русской вере, так скорее бы переходил в магометанство, а то скоро насильно крестить будут и проч. Более богатые и влиятельные магометане и отступники привлекают крещеных к отступничеству лаской, материальными выгодами и помощью. Набрав в крещенском селении десятка два-три соблазненных, спешат поскорее устроить в нем мечеть и школу, хотя бы прямо против за-

кона и вопреки желанию местного крещенского населения, составляющего большинство жителей. Где большинство и сила на стороне отступников, твердым в православии обывателям житья нет от всяческих обид, насмешек, притеснений, придирок и проч., так что, покрепившись, сколько хватает терпения, они поневоле и сами переходят в Ислам. Крестившимся вновь татарам уже и вовсе нельзя оставаться в татарских или отступнических селениях, из-за опасения за самую жизнь, и приходится куда-нибудь переселяться. Пропганда ислама в последнее время принимает слишком уже смелый и даже насильственный характер.

Делает свое пропагаторское дело и мусульманская литература, оживившаяся и тоже чрезвычайно осмелевшая после манифеста 1905 года о свободе совести. В семи казанских татарских газетах и в десятках тысяч книг и брошюр, издаваемых в Казани, вероисповедный вопрос, похвалы исламу, преувеличенные известия об его успехах и порицания христианству занимают очень большое место. Издания эти продаются по самой дешевой цене на всех сельских базарах и в татарских книжных лавках, где бывают инородцы. Замечательно, что религиозных книг и брошюр на инородческих языках русского издания ни на одном таком деревенском базаре найти нельзя. Важным недостатком книжной пропаганды ислама было то, что татарские издания печатались исключительно одним арабским алфавитом, которого крещеные татары и др. инородцы не знают; печатать свои книги более распространенным русским алфавитом татары считали даже грехом. Теперь этот грех они решились принять на свою душу и стали печатать нужные для пропаганды книги или вместе с русским переводом или одним русским шрифтом. Издания такого рода выпускаются ими очевидно для наидания крещеных, знающих только русскую азбуку. В

1906 г. из казанской типографии братьев Каримовых выпущена была замечательная брошюра на татарском языке с русской транскрипцией "Ислям дени" (Вероучение ислама); она разобрана свящ. С. Багиным (миссионером) в Правосл. Собеседнике 1909 г.

На заглавном листе говорится, что брошюра эта напечатана на основании Высочайшего манифеста о свободе веры от 17 окт. 1905 года. Первые листы заключают в себе убедительное воззвание к крещеным татарам о возвращении в прежнюю родную веру их отцов и дедов. "Эта книга для старинных сродников наших, в прежнее время силою выведенных из вероучения ислама, о возлюбленной вере которых говорит эта книга. Этим сродникам нашим не дали возможности жить в исламе: силою гнали в церковь, силою ставили в их домах иконы, силою заставляли праздновать пасху, в праздник красных яиц попы силою входили в их дома" и т. д. Описывается, какие насилия они претерпевали, каким мучениям, - плетям, ссылке в Сибирь, на каторгу, они подвергались за то, что и после перечисления своего в христианство не забывали вероучения ислама и оставались ему верными. В день всеобщего суда они выступят со светлыми лицами впереди всех мусульман и самих пророков. Спросят народы: "что это за мусульмане со светлыми лицами". Тогда ангелы ответят: "Они в мире за веру перенесли великие притеснения" и проч. Затем, на случай возвращения крещеных в свою народную старую веру, даются наставления о том, как им поступать при постройке себе мечети и школы, о приглашении шакирда для научения вере, муллы и т. п. Содержание брошюры состоит в изложении вероучения и обрядов ислама. Между крещеными, как и следовало ожидать, она получила широкое распространение, хотя и содержится под большим секретом. В той же типографии и очевидно с тою же целью

пропаганды ислама на русском и татарском языке напечатаны манифест 17 окт. 1905 г. и положение комитета министров 17 апреля 1905 г. и совсем готовые формы прошений на имя губернатора о переходе в Ислам, в которых просителям остается вписать только свои имена.

Трудно стало бороться против таких соблазнов и даже прямых насилий магометанской пропаганды при тех слабых средствах, какими располагает в крещенских селениях православная церковь, имеющая для этого в своем распоряжении только несколько знающих иностранных языки приходских священнослужителей, 8 миссионеров, действующих на инородцев, конечно, не постоянно, а только наездом, и еще бедные братские школы, которые едва сводят концы с концами в своем содержании. И вот на этих-то бедных школах и покоятся теперь главные и чуть не единственные надежды христианства среди крещено-татарского населения. Насколько хватает их слабых сил, они в самом деле оправдывают эти надежды. Как ни неблагоприятны обстоятельства нашего времени, среди которых им приходится действовать, они все-таки неуклонно, не переставая, ведут свое культурное дело и заметно парализуют усиленный напор мусульманской пропаганды во всех местностях, какие подлежат их влиянию. Результаты этой пропаганды против прежнего времени уже много слабее.

В отчете Миссионерского общества за 1906 год читаем: "отпадения в магометанство вновь происходят только в 10 крещено-татарских селениях", известных своими отпадениями и в прежнее время, "между тем как всех крещено-татарских селений в казанской епархии имеется до 80, следовательно в 70 селениях крещенные татары и по объявлении свободы вероисповедания остаются в православии и особенной склонности к маго-

метанству не проявляют, напротив в громадном большинстве... являются сознательно исповедующими христианскую веру и убежденными исполнителями обрядов правосл. церкви. Если мы обратимся к 1860-м годам, когда произошли массовые отпадения крещеных татар не в 10 только, а в 100 и более селениях, то настоящие отпадения покажутся нам не особенно значительными. Надо принять во внимание и то, что в указанных 10 селениях в 60-х годах количество отпадений было гораздо более, чем теперь", т. е. по числу отпавших домов или семей. По сообщениям газет число отпавших инородцев до 1909 года (за три года) в одной казанской губернии показывается в 42000 человек, но в это число вошли и прежние отпадения с 1860-х годов, которых до изданий манифеста 1905 года, по официальным документам, числилось, как указывает миссионер о. Багин, до 32 000 человек, вновь же после манифеста до 1909 года значится всего до 3 000 (2 994) человек обоего пола, так что число всех отпавших, и прежних и новых, простираются всего до 35 000 и цифру в 42 000 (даже в 50 000 до некоторым известиям) нужно считать явно преувеличенной. Число 3000 человек, отпавших вновь после издания манифеста 1905 г., очевидно сравнительно, как замечает о. Багин, не так уже велико. Поэтому "несомненно, заключает он, что система инородческого просвещения, основанная Н.И.Ильминским, немало способствовала христианскому просвещению инородцев, и усиленная магометанская пропаганда не нашла уже такой благодарной для себя почвы, как в 60-х годах прошлого столетия".

Среди татарского населения доселе держится еще память о прежнем величии татарского царства и вера в его будущее восстановление. Возстановления этого оно ждет от содействия султана, который пользуется у него благоговейным уважением, как единый царь право-

верных во всем мире. Мусульманские симпатии тянут татар не к Питеру или Москве, а к Мекке, Каиру и Стамбулу, этим священным городам ислама. О них ходят разные чудесные легенды, как у нашего простонародья о св. местах. Со взятием кяфирами Стамбула поверья связывают кончину мира. Турки в воображении татарского простонародья до личного его знакомства с ними, когда их проводили в минувшую войну 1877 года чрез Казанскую губернию пленниками, представлялись в виде ангелов исполинских размеров, как рисует ангелов Коран. Пленников, несмотря на их обыкновенный человеческий образ, по татарским деревням все-таки встречали с необыкновенным энтузиазмом, как подобает встречать старших братьев по исламу.

В крымскую войну татары, как известно, проявили очень неприятную холодность к своему отечеству. Рекруты их, при содействии богачей, бегали от военной службы в таком большом числе, что, например, по одному Мамадышскому уезду насчитано было до 200 беглых. Вообще татары говорили тогда, что сражаться против единоверных турок им запрещает совесть. По всему казанскому краю распространилась тогда уверенность, что скоро явится султан и освободит их от власти русских. По заключении мира, когда крымские татары стали переселяться в Турцию, несколько семейств из казанских татар тоже изъявили желание последовать их примеру. Через 20 лет те же явления повторились и в течение войны 1877 г. Русским крестьянам и священникам по местам приходилось слышать весьма откровенные похвалы и предостережения со стороны татар, что скоро-де "султан придет, русских кунчать станет". Людей, пришедшихся им по душе, они успокаивали: "ты хорош человек, - мы тебя тихонько резать будем". Слышно было и о случаях измены татарских солдат в армии. В татарских домах везде можно было

встретить портреты султана и его генералов. В продолжение затянувшихся переговоров о мире после войны по татарским деревням распространялись упорные слухи, что султан требовал от царя отдать ему всех мусульман-татар, а царь, чтобы уклониться от этого требования, распорядился поскорее крестить всех татар: "потом мол скажу султану, что это не ваши, а наши люди". Слухи эти имели немаловажное значение в последовавшем затем татарском волнении в разных местах Казанской, Симбирской и Самарской губерний.

Как на грех, к этому времени подоспели некоторые распоряжения местной духовной и гражданской администрации, которые, помимо воли самих властей, подтверждали эти слухи в глазах подозрительных и возбужденных уже татар. Самарское епархиальное начальство распорядилось произвести более правильную приписку крещеных татар по приходам; это невинное распоряжение некрещеные приняли на свой счет, так как многие из них живут вместе с крещеными, и заволновались, думая, что их хотят насильно присоединять к церкви. В то же время казанская администрация разослала по сельским полицейским властям циркуляры с приказами о наблюдении, между прочим, чистоты около церквей, о мерах предосторожности против пожаров, повешении на высоких зданиях набатных колоколов и т. д. Правила эти татары тоже растолковали в смысле своих упрямых подозрений, так как русские селения в циркуляре не были отделены особой оговоркой от татарских мусульманских; заговорили о том, что их хотят заставить вешать на мечетях колокола и заботиться о церквях, иначе сказать, насильно крестить. Самое слово циркуляр переводили по своему: церкви (ляр-окончание множественного числа), затем, не слушая самой бумаги, по одному её названию уверялись, что дело идет в ней действительно о

церквах. Волнение было прекращено обычными мерами и очень скоро, но оно сильно и надолго повредило русскому делу во всех взволнованных местностях.

Такое же волнение по всему татарскому миру возбудила в 1897 г. общая перепись населения империи, встретившая сильное противодействие среди татар и породившая разные нелепые подозрения касательно религиозных насилий со стороны правительства. Было и еще несколько татарских волнений в разное время, в разных местностях и по разным случаям (наприм. из-за введения в татарских школах русского языка) менее общего характера.

Непрерывно продолжалось и то общее тяготение мусульман к Стамбулу и султану турецкому, какое замечалось во время наших прежних войн с Турцией. В мирное время оно не могло обнаруживаться с такою откровенностью, как тогда, но в татарском народе и в среде отатарившихся инородцев не переставали ходить беспокойные толки о силе Турции и её значении для правоверных. По татарским газетам, чтение которых значительно распространено даже среди татарского простонародья, татары с большим интересом следили и следят за всеми событиями, совершающимися в Турции и Персии. Особенно большую сенсацию произвело между ними известие о сосредоточении в 1907 г. турецких войск на Кавказской границе. В татарских селениях и селениях отатаренных инородцев и теперь ходят слухи, что турки скоро победят русских и завоюют Россию, после чего заставят всех принимать магометанскую веру. По другим слухам, сами татары скоро отделятся От России и будут выбирать себе царя.

Все подобные проявления взаимной симпатии между родственными или единоверными племенами, конечно, весьма естественны и существовали во все времена и во всех странах; свой своему поневоле брат. Но в

прежнее время они имели чисто натуральный, инстинктивный и неосмысленный характер. С половины прошлого столетия они стали осмысливаться, обобщаться, получили особую националистическую подкладку, общественный и политический смысл. Родственные племена устремились к внутреннему соединению и встали каждое под свое особое общественно-политическое знамя с племенным названием пангерманизма, панславизма, панъюдаизма, панмонголизма; поднялось в последнее десятилетие и знамя тюрко-татарских племен с религиозным названием панисламизма, так как ислам составляет главную соединяющую связь этих племен. Знамя это в России поднял известный издатель старейшей татарской газеты в Крыму "Терджиман" (Переводчик) Измаил Гаспринский. С возбуждением указавшего выше общественного движения в среде татарского населения в России идеи панисламизма охватили все это население, конечно мало-мальски грамотную и сознательную его часть, в Крыму, по всему волжско-камскому краю, в Сибири, Туркестане, и на Кавказе, и после манифеста 1905 г. стали высказываться в татарской прессе с довольно бесцеремонной откровенностью относительно даже таких явлений татарской жизни, о которых, вследствие прежней подозрительной замкнутости татар русские почти ничего не знали.

Самым выразительным изображением панисламистского движения служит недавно изданная преосвященным Алексием чистопольским книжка: "Современное движение в среде русских мусульман" (Казань 1910 г.). "Изучая, говорит автор, высказывая главное положение своего труда, социально - политическое движение в среде мусульман за последние 3 года.... мы вынесли твердое убеждение, что главный принцип, около которого оно сосредотачивается, который составля-

ет душу его, - это объединение всего мусульманского мира под эгидой Турции, т. е. панисламизм. Другие принципы, как наприм. поднятие религиозно-нравственного уровня мусульманской народной массы, распространение образования, достижение вероисповедной и политической свободы и проч., суть принципы второстепенные и имеют цену настолько, насколько служат целям панисламизма". Положение это бросает яркий свет на все частные проявления современного татарского движения, которых касались мы отчасти и выше.

Первой задачей панисламизма является соединение всех мусульман в один тесный братский и политический союз и собирание воедино всех материальных средств ислама для борьбы с христианской культурой. "Выдающиеся турецкие и русские публицисты мусульмане в последнее время усиленно занимаются открытием племен, принадлежащих, к одной с ними расы, с целью, конечно, присоединить их к общемусульманской федерации... Не довольствуясь Европой и Африкой, они простирают свои виды на Азию и желали бы привить свои панисламистские воззрения населению Индии, Китая и даже Японии", на воинственность которой можно возлагать некоторые важные надежды. Для успокоения европейцев панисламисты уверяют, что они не угрожают ничьему политическому благополучию, не желают исчезновения ни одного из европейских государств, а стремятся только освободить изпод власти европейцев своих единомышленников.

Понятно, какое значение с такой панисламистской точки зрения должно иметь известное усиление магометанской пропаганды среди наших инородцев и их энергичное отатаривание. Теми же панисламистскими тенденциями преосвященный Алексей осмысливает развившееся среди татар усиленное строительство по

инородческим селениям мечетей, открытие многочисленных мусульманских школ и привлечение в них даже крещенских детей, усиление магометанской прессы, распространение разных листков и брошюр, направленных к пропаганде ислама и панисламистских идей, наконец развитие *ad maiorem gloriam* (для большей славы - Н.Г.) ислама мусульманской благотворительности, прежде развитой очень слабо. В Казани существовало одно только крупное благотворительное учреждение, Юнусовский приют; в последнее время татарское благотворительное общество насчитывает у себя до 25 000 капитала. Татарские богачи впрочем и теперь охотнее жертвуют на мечети и медресы, чем на бедных. Татарская нищета околачивается все более около русских.

Самым выразительным органом и сильной поддержкой панисламистского единения мусульман служат съезды мусульман для обсуждения своих религиозных и политических вопросов и выработки по ним известных определений. На одном из таких съездов в Каире (1907 г.) русский панисламист Гаспринский предложил мысль об учреждении даже всемирного мусульманского конгресса, как общего духовного и политического центра для федерации мусульман всего света, который бы периодически собирался каждый год в Константинополе или в Каире. Такой общий политический центр для многомиллионного союза мусульман грозил большими беспокойствами впереди для всех государств, среди которых есть мусульманское население и более всего России с ее 30 миллионным населением мусульман. Гаспринский наприм. прямо высказывал на Каирском съезде, что такой периодический конгресс мог бы взять на себя руководство усилившимся среди русских мусульман движением в пользу сближения с Турцией. К счастью мысль о таком конгрессе оказалась пока неосуществимою, так как повела бы к неизбеж-

ной политической борьбе мусульман с русской правительственной властью и русским народом. Русским панисламистам пришлось ограничиться только всероссийскими съездами для подготовки и устройства автономного положения ислама в государстве в виде полного секуляристического государства в государстве. С наибольшей подробностью и ясностью проект такой автономии разработан в постановлениях 3-го всероссийского мусульманского съезда 1906 г. в Нижнем Новгороде. Вот важнейшее из этих постановлений, касающаяся духовной организации мусульманства.

Во главе этой организации должны быть поставлены выборные муфтии в числе 5, с титулом Шейхуль-Исламов с духовными собраниями при каждом под названием Махкамаи Исламия. Компетенция этих духовных начальств простирается на все религиозные, духовно-учебные и благотворительные дела, строение мечетей и медресе, надзор над ними, выборы к ним служебных лиц, имамов, мударисов, муэдзинов и проч. и удаление их с должностей, дела брачные, разводные, по наследству и др. духовные, без всякого вмешательства в них правительственных учреждений. Над всеми Шейхуль-Исламами должен быть поставлен Рейсуль-Улема (патриарх), избираемый мусульманами всей России и имеющий право личных докладов Государю Императору. И вся эта автономная иерархия должна быть обеспечена казенным жалованьем и сравнена в правах с православным духовенством. За такую же автономную организацию ислама в России высказывались татарские депутаты в Государственной Думе (казанский депутат Максудов) и татарская пресса. Казанская татарская газета Юлдуз прямо высказывает желание, чтобы русские мусульмане получили такую же организаций, какую имеют православные в Турции, стране "истинной религиозной свободы"; у них должен быть свой

патриарх Рейсуль-Улема со своим синодом, - этим "истинным религиозным парламентом"; в составе этого татарского синода, кроме лиц духовных, должны быть еще юристы и "политические" мусульманские деятели. Другие важнейшие постановления мусульманского съезда касаются автономии магометанских школ и прессы, свободы мусульман от православных миссионеров, от изучения русского языка, русификации и проч. О тех же свободах вопиют многочисленные петиции татар и речи татарских депутатов в Госуд. Думе.

К духовной организации ислама съезды отнеслись, как мы видим, очень заботливо, хотя большинство интеллигентных их членов стояли конечно не столько за религию, сколько за культуру магометан. Духовные, религиозные узы составляют самую крепкую связь всей массы мусульман и в вопросе об объединении мусульман всего света на эту связь требовалось обратить особенное внимание. Кроме организации иерархии, положено было очистить ислам от сект и ересей, которые в него проникли и которые ведут к разделению мусульман. Прежде всего предпринята чистка самого Корана, исправление его текста и соглашения разностей в его изданиях. Делом этим занялась особая комиссия из 10 членов в Казани в доме Юнусова.

Вопрос об усилении образовательных средств ислама на съездах разрабатывался в том же объединительном панисламистском направлении, как и вопрос о духовной, религиозной организации ислама. Решено, как можно, более распространить школьное обучение между всеми мусульманами, низшее образование сделать общеобязательным для детей обоего пола, среднее восполнить элементами общего, светского образования и ввести в школах новые лучшие и более легкие методы обучения. Религиозный элемент в образовании всех школ оставлен по-прежнему господствующим в началь-

ных школах, даже исключительным, под руководством и ответственностью одних духовных лиц. Целью этого начального обязательного образования поставлено изучение ислама, который "есть самый совершенный и справедливый из всех законов, научает людей дружбе, единению, равенству и прогрессу. Образование должно убедить человека в той истине, что все верующие (мусульмане) - братья, что все они должны жить, как один человек". В средних и высших школах, кроме ислама, вводятся и светские науки, "так как для мусульман нужны не одни богословы, но и математики, врачи, юристы и политики". Без этого широкого образования нечего и думать о борьбе мусульманской культуры с европейской, христианской. Духовному надзору подчинены впрочем и эти школы, чтобы изучение наук не поколебало в их питомцах преданности исламу. Нижегородский съезд постановил, чтобы вероучение и родной язык преподавались и в гимназиях, и в учительских школах.

Школьный язык был предметом объединительных рассуждений на съездах не менее вопроса религиозного. Что языком этим в преподавании всех школ должен быть свой татарский язык, а не русский. Этот вопрос был давно уже решен у всех татар, но тут возникал другой вопрос о разнообразных наречиях, на которых говорят мусульмане разных местностей и которые так далеко расходятся между собою, что мусульмане одной местности не понимают татар других местностей. Явилась настоятельная необходимость объединить все эти диалекты в одном обще-татарском языке. Литературный татарский язык давно уже начал наполняться заимствованиями из персидского и особенно турецкого языка и явно стремится к тому, чтобы развиться в какой-то общий восточный язык. Но ждать результатов такого развития его очень долго. Нижего-

родский съезд склонился к заимствованию и распространению в объединительных целях готового и любезного татарам турецкого языка, не оставляя впрочем и татарского литературного языка. Начальные школы мулл оставлены были при одном родном татарском языке. О турецком языке съезд постановил: "Особое внимание должно быть обращено на изучение литературного турецкого языка, обучение которому обязательно для мусульман в средних (3-х и 2-х классных) школах, а где возможно и в начальных школах. Русский язык оставлен татарскими просветителями в таком же загоне, как и раньше до просветительного движения. "Изучение русского языка, определил нижегородский съезд, в начальных школах не обязательно, а в средних школах он входит в программу, как предмет обучения", но не как предмет преподавания.

Влияние панисламистских идей и постановления нижегородского съезда заставили татар пробудиться от вековой спячки и произвели среди них сильное движение. Везде пошли митинги, совещания кружков, съезды учителей для рассмотрения и обновления школьных программ, прения об них, в которых приняла участие и ожившая в Казани татарская литература, на этот раз разделившаяся на партии старометодников, - вообще консерваторов (газета Юлдуз - Звезда) и новометодников-прогрессистов (газ. Эль-Ислах, Реформа), но почти вся согласная с основными положениями съездов, что мусульманское просвещение должно основываться непременно на Коране и на турецком языке, который должен сделаться общетюркским, и вообще быть возможно независимо от европейской цивилизации (газета Казан-Мукбири - Казанские вести); заимствовать от последней можно лишь то, что согласно с учением Корана и что практически полезно. От русской цивилизации татарские прогрессисты положительно чужаются,

утверждая, что она заботилась все только об обрусении мусульман и что от неё ничего нельзя им ожидать для образования. На этот раз татарские прогрессисты неблагоприятно забыли, что вся мусульманская цивилизация и началась и продолжалась до сих пор именно под покровом России. Последнее свое просветительное движение татары решились вести на свой собственный счет, не прибегая к казне, как это постоянно делаем мы русские, нельзя не сознаться к нашему стыду, не умеющие вести своих общественных дел без казенных пособий.

Благодаря щедрым пожертвованиям богатых магометан, всякого типа школы, кроме правительственных с русским языком, стали быстро расти по всему мусульманскому населению казанского края, даже по мелким деревушкам, в некоторых других губерниях, кажется, еще успешнее (в Уфимской, на юге в Баку, и др.); в Тифлисе наприм. разрабатывался проект об открытии даже татарского университета, конечно в том же магометанско-прогрессивном направлении, какое господствует в среде всей панисламистической интеллигенции. Обращено серьезное внимание на подготовку учительского персонала. Нижегородский съезд определил: "в учительских школах с преподаванием на русском языке ввести более основательное изучение вероучения и литературного родного языка, чтобы окончившие в них курс мусульмане могли преподавать на своем языке"; тоже определение распространено им и на русские гимназии, в которых учатся мусульмане. В начальники школ, по мнению татарских заправил, более нужны лица с религиозным образованием и предпочтительно получившие это образование в Константинополе. И вообще для завершения религиозного образования у русских мусульман теперь развилось обыкновение посылать учеников в Константинополь, Каир, Мекку,

Медину, как высшие религиозные центры ислама. О том, как щедры бывают пожертвования казанских татар на общественно-просветительные учреждения, можно судить по пожертвованиям известного в Казани Юнусова и братьев Хусаиновых, из которых Ахмет Хусаинов пожертвовал 300 000 р., другой Абдулла Хусаинов еще, не менее первого.

Усердно служит делу нового мусульманского просвещения и вся татарская пресса. По словам преосвящ. Алексия, она вся теперь проникнута одной идеей: "сближение татарского языка с турецким и развитие в народной массе русских татар сознания расового единства их с турками. Поэтому из газет тщательно удаляется все то, что носит хоть малейший намек на сближение с русским народом; русские термины, которые уже успели получить у русских татар общее употребление, безусловно устраняются из печати и заменяются турецкими". Появление в Казани одного печатного органа с русофильским направлением, - Рус-Игтигади (Русское единение) Шахтахтинского, оказалось какой-то неестественной редкостью и было встречено татарской прессой очень неприязненно. В 1907 г. союз русского народа наивно приглашал татар в свой состав, - татарская пресса нашла такое предложение тоже противоестественным, что де может быть общего у мусульман с партией, программа которой заключается в словах: вера православная и русский народ? У татарского народа есть теперь свое собственное кровное родство, чуждое России, и свое собственное фиктивное отечество - Стамбул, Каир, Мекка, куда направлены все его взоры и патриотизм. Понятно, что в порядке государственной жизни татары должны быть чужды не одного лишь союза русского народа, но и всяких других современных политических партий, в которых заметна русская патриотическая окраска. За редкими

исключениями они являются сторонниками либеральных идей, возлагают большие надежды на государственную Думу и при выборе в нее депутатов в большом числе стали на сторону кадетской партии и даже левее. Татарские депутаты в Думе принадлежат к крайним левым партиям.

В нашей этнографической и публицистической литературе и среди самого русского народа подозрительное отношение к татарской народности в России господствует очень давно; последние исследования преосвященного Алексия обосновали это отношение фактически и властности для нашего времени, когда спящим нам враг свободно сеет свои плевелы и успел засеять их уже довольно. В практической жизни русских мусульман, говорит он, можно указать целый ряд фактов, наглядно доказывающих, что свободолюбивые стремления мусульманских поборников панисламизма успели уже выступить из пределов прекрасных фантазий и мечтаний мусульманских публицистов, проникли в народную массу, вызвали ее из состояния духовного равновесия, сделали восприимчивою ко всяким политическим слухам и проч. Чрезвычайно важно, по нашему мнению, уже одно то, что старое малосознательное религиозно-расовое отчуждение татар от русского народа получило теперь характер более сознательный и сепаратистический политического оттенка, от которого недалеко уже и до внешних государственных выступлений.

Между казанскими татарами подобного рода вступлений пока не заметно. В октябрьские дни 1905 года, во время, так называемой, русской революции в Казани все солидное татарское население города встало на сторону государственного порядка вместе с таким же русским населением. Казанские жители хорошо помнят ту многолюдную и довольно величественную процессию

из серьезных мулл, шакирдов и солидных татар, которая чинно проходила в эти дни из татарской слободы по улицам Казани на городскую площадь около Думы в виде манифестации против революционеров и для заявления своей преданности державному Царю и государству. Но.... с тех пор много воды утекло. А между тем в некоторых местах татарского населения за пределами казанского края открылось несколько фактов и другого характера. "На Кавказе, говорит преосвященный Алексей, развивается настоящая исламическая революция. И вообще татары, по замечанию даже в немецкой газете, играли важную роль в русской революции. Движение проникло в среду учащейся мусульманской молодежи, гимназистов и гимназисток, которая по своему принимает в нем участие. Женщины в Баку, в числе которых были и гимназистки, приветствовали открытие турецкого парламента особой телеграммой, которая, после выражения пламенных надежд на великое будущее ислама, заканчивалась словами: да здравствуют свободные турки, которые дали жизнь парламенту. В движении принимают участие видные представители мусульманства, пользующиеся в среде своих единоверцев почётом и уважением... По связи с тем, что было сказано о социально-политическом движении в среде мусульман, такие факты еще убедительнее доказывают то, что на него должно быть обращено внимание русского правительства и общества".

Этимися словами преосвященного Алексея мы могли бы и закончить свой очерк; но считаем нужным дополнить его несколькими словами о новом либеральном движении, обозначающемся в последнее время среди молодого поколения татарской интеллигенции, которое вносит в панисламистическую систему значительные изменения.

Усилившееся в последнее время паломничество моло-

дых татар в Стамбул за наукой и ближайшее знакомство их с Турцией подействовали на них далеко не в пользу Турции и султана. Они воочию увидели здесь явные признаки разложения Турецкой империи и упадок силы султана и убедились в том, что он никак не может сделаться каким-нибудь общим панисламистским падишахом. К этому присоединилось еще близкое знакомство их с младотурками, к которым они охотно присоединялись партийным образом. Самая наука Стамбула оказалась далеко ниже науки Каира с её европейскими знаниями и светским направлением. В последнее время молодежь и стала направляться больше в Каир, чем в Стамбул. По возвращении оттуда эти молодые люди стали распространять новую науку и дома; учебные заведения нового типа в Казани привлекают теперь массу учеников, видно, что они пришлись по душе молодому татарскому поколению. Новое движение не против ислама, как необходимого националистического элемента жизни, но оно, конечно, должно значительно ослаблять старое узко-религиозное направление этой жизни. Старое, отживающее поколение татар с его фанатичными муллами и старометодными медресами заметно отстаёт и стушевывается перед новыми требованиями века. Отстаёт от нового течения жизни и самый панисламизм в его первоначальной форме вместе с своим инициатором и вождем Гаспринским; его идеал объединения всех мусульман около Стамбула и общего падишаха начинает заменяться у нового поколения другими, более либеральными идеалами.

Новые люди почти поголовно крайнего левого направления политических взглядов. Как и панисламисты, они крепко стоят за самостоятельность мусульманской национальности и за всемирное братское единение всех её племен, но уже не около единого падишаха и

под единой государственной властью, а при посредстве лишь одной религии и единой мусульманской культуры и в форме свободной федерации этих родственных племен, как особых государственных единиц, с сохранением за каждой из них полной самостоятельности и всяческих свобод. Как подобное движение должно отозваться на жизни государств, среди которых живут мусульмане в подданстве, ограничатся ли они одним стремлением к приобретению себе лишь известной степени автономии, или же идеальная пока их федерация, постепенно развиваясь и окрепнув, проявит ряд активных выступлений к приобретению полной государственной самостоятельности для своих членов, угадать наперед не возможно. Но предусмотрительная политика Англии давно уже зорко присматривается как к старому, так и новому движению мусульман у себя в Индии.

Содержание

Н.К. Гарипов. Православные миссионеры о казанских татарах	3
П. Знаменский «Казанские татары»	7
Содержание.....	71